
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

РУССКІЙ

ДЕКАМЕРОНЪ.

РУССКІЙ ДЕКАМЕРОНЪ

1831-го ГОДА,

изд. И. Ивановымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1836.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. П. бургъ. Октября 10 дня 1836 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Наступила осень 1830 года. Москву бѣлокаменную и въ бывалое время посѣщали незванные, злые гости: Татары и *Черная смерть* Литва и Восточная чума, а еще недавно Наполеонъ съ своими разноязычными полчищами.— Нынѣ приближалась къ ней новая, страшная посѣтительница, о которой пишутъ и толкуютъ много, какъ всегда пишутъ и толкуютъ много обо всемъ, чего не знаютъ. Эта странница родилась въ Восточной Индіи и, вѣроятно отъ короткаго обращенія съ Англичанами, сими всемірными побродягами, заразилась страстію, коей одолжены мы и письмами Русскаго Путешественника и твореніями нѣкоторыхъ чувствительныхъ его послѣдователей: ей вздумалось людей повидать и себя показать . . . . «Заразилась? Да о комъ же говоришь? Кажется о холерѣ? Какъ же она заразилась? Не сама ли она зараза?» — То-то и есть, любезный и почтенный мой Читатель, — многіе утверждаютъ, что холера, не зараза, а... а... но надѣюсь при другомъ удобномъ случаѣ выказать во всемъ блескѣ свою медицинскую ученость, почерпнутую изъ отечественныхъ газетъ и жур-

наловъ; здѣсь же только замѣчу, что я, М...скаго уѣзднаго училища младшій учитель, издатель сихъ записокъ и сочинитель приложеннаго къ нимъ историко-критическаго введенія, Пахомъ сынъ Сидоровъ Барабаровъ, * въ силу риторической фигуры, называемой просопопеею, олицетворилъ холеру, назвалъ ее странницей, заставилъ обращаться съ Англичанами, а посему весьма былъ въ правѣ приписать ей и другія свойства человѣческія, изъ коихъ нема-

* *Замѣчаніе историческое.* Читатели, а паче Читательницы спросятъ, можетъ быть, какимъ образомъ я, Пахомъ Барабаровъ, могъ учиниться Издателемъ записокъ, составленныхъ, — какъ-то усмотрятъ ниже, людьми, превышающими меня и породою и богатствомъ и знатностію и тѣмъ, что они называютъ образованностію? — * И такъ вынужденнымъ себя

* *Къ историческому замѣчанію замѣчаніе критическое.*

Но въ сей послѣдней, сирѣчь образованности, при всемъ своемъ смиреніи, уступить имъ я отнюдь не намѣренъ; ибо: *образованность* имя существительное равнозначительное имени же существительному *просвѣщеніе*, просвѣщеніе же — *учености*, а ученость — *знаніямъ;* но къ знаніямъ, — въ чемъ всякій согласится, — принадлежитъ знаніе и орѳографіи и правописанія. Изъ самыхъ же записокъ сихъ, мною нынѣ въ свѣтъ издаваемыхъ, я, издатель, увѣрился въ весьма поверьхностныхъ свѣденіяхъ сочинителей оныхъ по части Россійскаго правописанія, сей столь многосложной отрасли грамматики языка отечественнаго, такъ что промахи ихъ въ употребленіи буквъ: *е* и *ѣ*, и знаковъ препинанія мною же долженствовали быть выправлены (что и стоило мнѣ не малыхъ трудовъ и старанія). Изъ сего всякій благомыслящій легко выведетъ заключеніе, что мои, Пахома Барабарова, знанія, а слѣдовательно ученость, а слѣдовательно просвѣщеніе, а слѣдовательно и образованность превышаютъ знанія, ученость, просвѣщеніе, иначе образованность вышепомянутыхъ надменныхъ, но суетныхъ питомцевъ моднаго свѣта.

ловажное — способность къ воспринятію заразительнаго міазма. Но стану продолжать безъ дальнѣйшихъ отступленій. И такъ холера приближалась къ Москвѣ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Московскій Телеграфъ опоздалъ выходомъ; Московскія барышни, хотя и не опоздали на балы, но ахали; Московскіе остряки шутили — и трусили. Стали выѣзжать: сперва въ подмосковныя, а когда начали поговаривать о карантинахъ, объ оцѣпленіи, — и дальше. — Русскіе всегда госте-

---

нахожу признаться, что всесильный, исполненный проказъ божокъ любви за нѣсколько уже лѣтъ зажегъ мое ретивое нѣжной страстію къ прекрасной, цѣломудренной, но — увы! жестокой ключницѣ графини Ладовой и къ прекраснымъ, цѣломудреннымъ и неменѣе жестокимъ ея цѣлковикамъ. Сію же, постоянно пребывавшую въ К.... ской вотчинѣ ея сіятельства, прекрасную ключницу узналъ я, когда посѣтилъ въ каникулы домъ моего родителя діакона села Дворцова, коего ктиторшею вышерѣченная графиня, а извѣстіе о цѣломудренныхъ цѣлковикахъ почерпнулъ изъ устъ моей матери, видѣвшей самолично сундукъ, который, храня запасъ капотовъ, кофтъ, юбокъ и лучшаго Голландскаго холста, движимость благопріобрѣтенную предметомъ моего пламени, — хранилъ и сихъ затворниковъ. Долго всѣ усилія, дабы смягчить каменное сердце гордой Анны Потаповны оставались тщетными: вздохи, взгляды, стихи, да и какіе! даже подарки не могли преклонить ее; она съ презрѣньемъ отвергала мои вздохи, взгляды, стихи и подарки; подобно .... Но отложу на время уподобленія; скажу, что наконецъ судьба надо мной сжалилась. Пріѣхала графиня. Во время оно ея сіятельство не была охотницею сама повѣрять счеты,

пріимны, особенно при общемъ несчастіи.—Вотъ почему и случилось, что нѣсколько дамъ и кавалеровъ, которымъ уже нельзя было слетѣться на зиму въ древней столицѣ, очутились К... ской губерніи М... скаго уѣзда въ деревнѣ графини Ладовой, богатой—и, сколько могу о томъ судить я, М... скаго уѣзднаго училища младшій учитель, умной и любезной Московской барыни.

«Въ послѣднихъ числахъ Сентября
«Въ деревнѣ скучно!»

а предоставляла сіе занятіе управителю; но въ нынѣшній пріѣздъ, съ какого повода — не знаю, быть можетъ, отъ скуки, а вздумалось ей, подвергнуть Анну Потаповну испытанію. И что же? прекрасная ключница оказалась весьма сильною въ краснорѣчіи, въ особенности по убѣждающей, умоляющей и увѣряющей части онаго, въ ариѳметикѣ же нѣсколько слабою. Слѣдствіемъ сего было увольненіе: графиня приказала ей или лучше сказать, присовѣтовала, отыскать къ новому году иное поприще для своихъ дарованій. Между тѣмъ о Рождествѣ я снова посѣтилъ родныхъ своихъ, — и ужь Анна Потаповна была ко мнѣ не суровою: на вздохи отвѣчала вздохами, на стихи — прозою, на подарки — благодарностію. Концемъ сего мѣноваго торга нѣжностей было обрученіе, а потомъ и свадьба. Свадьбу за день до отъѣзда графини обратно въ Москву, сыграли въ домѣ ея: и тогда одинъ изъ гостей ея сіятельства съ согласія всѣхъ прочихъ и самой хозяйки, вспомнившей прежнюю службу Анны Потаповны, подарилъ мнѣ вмѣсто приданнаго рукопись, которую, исправивъ находившіяся въ ней погрѣшности, представляю нынѣ на судъ благосклонной публики. — I, decus, i, nostrum: melioribus utere fatis

Сказалъ многочитаемый нынѣ стихотворецъ, въ сочиненія коего заглядывалъ и я, хотя къ сердечному моему прискорбію и не нашелъ въ нихъ того, чего отъ истиннаго Піиты требуютъ ученные мужи Рижскій и Никольскій, образцы мои и наставники. Впрочемъ должно признаться, что стихотворецъ сей говорилъ иногда правду и даже правду горькую. По крайной мѣрѣ въ приведенной мною, хотя и не слишкомъ витіевато изложенной, апоѳегмѣ, я совершенно согласенъ съ нимъ. Повторю же:

«Въ послѣднихъ числахъ Сентября
« Въ деревнѣ скучно! »

А если сіе справедливо, читатели, что скажемъ о послѣднихъ числахъ Октября, Ноября, Декабря? Но именно сіи мѣсяцы и даже часть Января текущаго нынѣ года графиня Ладова и гости ея принуждены были, ради свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры, провесть въ деревнѣ.

Съ начала мущины охотились: потомъ, или охота надоѣла имъ, или стало жаль бѣдныхъ дамъ, которыхъ на цѣлые дни покидали въ сиротствѣ и одиночествѣ, словомъ наши Невроды чаще прежняго оставались дома. Карты? но вистъ и все вистъ... это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія!—Танцовать подъ фортепьяно съ своими только домашними, считается — такъ я слышалъ въ домѣ ея сіятельства, — неприличнымъ, de mauvais ton. (Пишу, справившись пред-

варительно съ словаремъ, а не выговариваю сего Французскаго рѣченія; да не вздумаетъ же Зоилъ меня, учителя уѣзднаго училища, осмѣять за употребленіе онаго!) — Знакомства у графини въ сосѣдствѣ не было: новыхъ же она не хотѣла заводить по тысячѣ и одной причинѣ, изъ коихъ ни одна не дошла до моего свѣденія. — Что оставалось дѣлать? Чѣмъ спастись отъ скуки, болѣзни, хоть и менѣе убійственной, нежели Холера, но все - таки тягостной? Чтеніемъ! — Но при мысли о чтеніи, особенно въ обществѣ, въ слухъ, воображенію невольно представлялись Мольеровы ученныя женщины и какой - то Hôtel de Rambouillet, который моимъ читателямъ вѣроятно извѣстенъ болѣе, чѣмъ мнѣ. И такъ многимъ, правда, сіе средство приходило на умъ; но всѣ, какъ будто о немъ и не слыхивали, а назвать его никто не смѣлъ. Наконецъ сама графиня, увѣренная въ томъ, что ея права на свѣтскость, любезность и знаніе общественныхъ приличій не могутъ подвергнуться сомнѣнію, предложила это средство — и ея предложеніе было принято съ восторгомъ, какъ всегда принимаютъ съ восторгомъ предложеніе любезной женщины.

Но что читать? Французскихъ книгъ не было: графинина библіотека осталась въ Москвѣ. Къ счастію у нѣкоторыхъ гостей нашлись кое-какія новости отечественной словесности. Выслушали Полтаву, первыя двѣ книги съ восхи-

щеніемъ, а дамы со слезами; третію подвергли двумъ - тремъ легкимъ замѣчаніямъ, но никто не сталъ оспаривать мнѣнія графини, что эта поэма лучшее твореніе Пушкина. Монастырка принесла всѣмъ истинное удовольствіе и жалѣли, что должны были ограничиться первой только частію. —

Но вотъ въ чемъ, если къ тому прибавить еще нѣсколько альманаховъ и состоялъ весь запасъ книгъ нашихъ Московскихъ изгнанниковъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ новыхъ занятій пріискать было трудно. Но случай, который творилъ на свѣтѣ много худаго и хорошаго и на который подъ часъ взводятъ то, въ чемъ онъ вовсе не виноватъ, случай сжалился надъ бѣднымъ обществомъ, готовымъ придти въ отчаяніе.

Юлія, дочь ея сіятельства, любительница музыки; а одинъ изъ бывшихъ у нихъ гостей,— назовемъ его хоть Чинарскимъ, — прекрасно играетъ на фортепьяно и флейтѣ. Одинакія склонности сблизили графиню Юлію и молодаго Чинарскаго: они часто занимались вмѣстѣ музыкою.

Однажды вечеромъ хозяйка съ прочими пила чай въ гостиной, а Юлія и товарищь ея сидѣли въ ближней комнатѣ за фортепьяно. Полковникъ Саблевъ, двоюродный братъ графини положилъ на столъ Сѣверную Пчелу, только что полученную и принялся было разсуждать о благомъ совѣтѣ Г. Издателя лечиться отъ хо-

леры чтеніемъ — «Хоть бы не отъ холеры, прервала графиня полковника, —« да отъ скуки!»

Но, Боже мой, что прикажете читать? Ужели?..» Но звонкій голосъ Юліи и слова: «Maman! Maman! вѣдь Mr. Чинарскій поэтъ!» обратили общее вниманіе. Молодая графиня вбѣжала съ торжествующимъ видомъ, держала въ правой рукѣ небольшую тетрадь, а лѣвой отдѣлывалась отъ Чинарскаго, который упрашивалъ и, казалось, хотѣлъ удержатъ ее.

«Какъ! вы поэтъ? И таились отъ насъ, Чинарскій? отъ друзей своихъ! И вамъ не стыдно? не совѣстно?» Вотъ восклицанія, которыя раздались въ гостинной изъ устъ мущинъ и женщинъ.

Молодой авторъ краснѣлъ, терялся, хотѣлъ что-то отвѣчать, заикнулся и наконецъ снова сталъ просить Юлію, чтобъ возвратила тетрадь его. —

ГРАФИНЯ МАТЬ. Julie конечно должна исполнить ваше желаніе, если вы непремѣнно того требуете. Но позвольте узнать: какимъ образомъ попались ей въ руки стихи ваши?

САБЛЕВЪ. А вотъ какъ: Чинарскій питаетъ особенную довѣренность ко вкусу и скромности моей племянницы; поэзія родная сестра музыки, —онъ съ Julie дѣлилъ свои музыкальныя вдохновенія, хотѣлъ подѣлиться и поэтическими; но шалунья не вытерпѣла и намъ его выдала!

ЧИНАРСКІЙ. Позвольте мнѣ, полковникъ, самому отвѣчать за себя. Графиня желала повторить сонату, которой мы здѣсь еще не играли; я вспомнилъ, что взялъ ее съ собою; побѣжалъ въ свою комнату, отыскалъ ее, но въ торопяхъ забылъ, что въ нотахъ эта несчастная тетрадь; не успѣлъ развернуть. . . .

ГРАФИНЯ. И она выпала? Подлинно, странный, самый странный случай! — Послушайте, mon cher Чинарскій: повторяю вамъ, если вы того требуете, дочь моя вамъ отдастъ эту несчастную, какъ вы ее называете, тетрадь... Но думать вы позволите намъ, какъ кому угодно. Скажу вамъ искренно: догадка полковника мнѣ кажется довольно вѣроятною.

ЧИНАРСКІЙ. Клянусь...

ГРАФИНЯ. Не клянитесь! Смѣшно выказывать себя въ свѣтѣ авторомъ: но здѣсь, въ дружескомъ кругу, когда васъ просятъ—жеманиться — во сто разъ смѣшнѣе! Soyez bon enfant, Чинарскій: прочтите намъ стихи свои!.... И вы все еще не рѣшаетесь? — Неблагодарный! чтобъ наказать васъ, Юлинька должна бы согласиться на вашу просьбу и возвратить вамъ, что у васъ похитила.

САБЛЕВЪ (*съ значительнымъ взглядомъ на Чинарскаго*). Да, точно такъ! Ma nièce, возвратите этому упрямому человѣку, что вы у него похитили; а то онъ неравно еще заведетъ съ вами тяжбу!

ЧИНАРСКІЙ. Графиня, не знаю, что вамъ отвѣчать. — Во всякомъ случаѣ я въ странномъ положеніи. Ни за что въ свѣтѣ я бы не желалъ казаться упрямымъ, а еще менѣе жеманнымъ въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ..... я не поэтъ и никогда не осмѣлился думать быть поэтомъ: эту небольшую поэму, — въ наши дни все называютъ поэмою, — я написалъ въ Тифлисѣ отъ праздности, для развлеченія, когда лечился отъ раны. Такъ и быть, — если вамъ угодно..... Но, графиня, боюсь надоѣсть — и тогда грѣхъ на вашей душѣ и на вашей, прекрасная Юлія!

ЮЛІЯ. Не знаю, какъ Maman, а я охотно беру этотъ грѣхъ на себя: вы вѣрно насъ избавите отъ всякой отвѣтственности, вѣрно никому не надоѣдите.

ГРАФИНЯ. Я въ этомъ готова биться объ закладъ. Но чтобъ ободрить васъ, выслушайте *мое* признаніе. — Я женщина и, къ стыду моему скажу, выучилась порядочно по Русски уже по замужствѣ; и—прошу не смѣяться, и я пишу и пишу по Русски!

При этомъ словѣ: *пишу,* удивленіе было всеобщее; Саблевъ уже готовился вооружиться насмѣшкою на сестрицу-писательницу и на всѣхъ женщинъ-авторовъ: но Графиня твердымъ, спокойнымъ взглядомъ посмотрѣла на него, Саблевъ только улыбнулся, и не сказалъ ни слова. Она продолжала: «Такъ, любезный Чинар-

скій, дайте руку: anche io pittore! У насъ женщины-писательницы смѣшны не потому, что писательницы, а потому что смѣшны *. Не то во Франціи, Германіи, Англіи. Признаюсь впрочемъ въ своей слабости: пока у насъ не будетъ писательницъ хорошихъ и не только хорошихъ, а такихъ, которыя въ тоже время были бы и любезными свѣтскими женщинами, я бы не желала прослыть авторомъ. Но мы здѣсь отшельники: для насъ нѣкоторымъ образомъ пустыя, условныя приличія не существуютъ; а въ скромности каждаго изъ васъ, — не такъ ли? — могу быть увѣрена?» —

Всѣ стали увѣрять графиню, что свято сохранятъ тайну ея; но она ихъ прервала: «Не сомнѣваюсь, друзья, въ словѣ вашемъ: такъ и ростовщикъ не сомнѣвается въ словѣ того, кто приходитъ занимать у него, а все таки даетъ деньги не иначе, какъ подъ залогъ. Вотъ почему и я, не то, что бы не вѣрила вамъ, а такъ, — чтобъ не вводить васъ въ искушеніе, — желала бы взять съ каждаго изъ васъ по залогу: признаніе за признаніе! Кромѣ Чинарскаго и меня, нѣтъ ли между нами еще авторовъ? — Вы, напримѣръ, братецъ?» — «Я!» отвѣчалъ Саблевъ голосомъ, въ которомъ силился выразить величайшее изумленіе, между тѣмъ, какъ легкій румянецъ пробѣжалъ по лицу его.

---

* NB. Дѣйствіе происходитъ шесть лѣтъ тому назадъ.

ГРАФИНЯ. А! насмѣшникъ! поймали васъ! не отнѣкивайтесь!

САБЛЕВЪ. Послушайте, ma cousine! Если принудите меня сознаться въ какихъ нибудь прегрѣшеніяхъ, вамъ же хуже! И безъ того здѣсь въ селѣ Дворцовѣ домъ вашъ сталъ очень похожъ на домъ покойной *.. *... *...ой; чего недостаетъ намъ? у насъ были настоящіе литтературные вечера; чтеніе, критика, споры, даже партіи, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ Богъ былъ не безъ милости, мы восхищались только чужимъ, бранили чужое, разбирали чужое; а вотъ дошла очередь и до своего!

Но, пользуясь половиннымъ признаніемъ, дамы напали общими силами на полковника, сбили его, заняли всѣ укрѣпленія и принудили сдаться военноплѣннымъ т. е. заставили проговориться, что и онъ, самый строгій и взыскательный судія стиховъ и прозы другихъ, писатель—и, что всего еще хуже, стихотворецъ. Искренность родила искренность, исповѣдь—исповѣдь: итогомъ же всѣхъ ихъ было, что изъ пяти мущинъ и пяти женщинъ и дѣвушекъ, съѣхавшихся въ селѣ Дворцовѣ, пять мущинъ оказались писателями, а пять женщинъ авторами, по крайней мѣрѣ переводчицами.

«Событіе, едва ли вѣроятное, особенно у насъ въ Россіи!» воскликну я, Издатель записокъ сихъ. Но все ли то истинно, что вѣроятно? и

все ли то вѣроятно, что истинно? — По крайней мѣрѣ здѣсь приведенная мною невѣроятная истина не подлежитъ никакому спору: ибо рукопись, явное доказательство неподложности оной,—въ рукахъ моихъ, а оттиски съ нее, надѣюсь, вскорѣ будутъ продаваться въ лавкахъ и Слёнина и Смирдина, и Глазунова и Заикина. Но возвратимся къ разсказу нашему.

За всѣми разговорами и признаніями графини и ея собесѣдниковъ стало поздно: приняться за стихи Чинарскаго уже было некогда. Рѣшились отложить ихъ до другаго вечера, а между тѣмъ положили непремѣннымъ закономъ чтобъ каждый и каждая прочли что нибудь изъ трудовъ своихъ; единственнымъ правиломъ при выборѣ поставили, чтобъ то было или въ повѣствовательномъ или драматическомъ родѣ. Сверхъ того на Чинарскаго единогласно возложили должность Секретаря и Журналиста засѣданій сего новаго литтературнаго общества: ему поручили трудъ вытребовать у каждой и каждаго списокъ съ читаннаго сочиненія и присовокупить къ тому все любопытное изъ оговорокъ и примѣчаній автора и вопросовъ и возраженій слушателей.

Такъ-то судьбѣ угодно было, чтобъ въ концѣ 1830 года, во время свирѣпствовавшей въ Россіи болѣзни, называемой Cholera morbus, К... ской Губерніи М... скаго уѣзда въ селѣ

Дворцовѣ составилось общество, подобное тому, которое за 500 лѣтъ назадъ, по свидѣтельству знаменитаго Бокаччіо, когда чума опустошала Италію, существовало близъ города Неаполя. Первому и чумѣ Италія обязана славнымъ во всей Европѣ Декамерономъ; второму и холерѣ Россія — сею книжецею, которую я, Издатель, дерзаю назвать Россійскимъ или Русскимъ Декамерономъ, сирѣчь Десятиглавомъ, не ради того, что равняю себя съ извѣстнымъ въ цѣломъ мірѣ, божественнымъ Бокаччіо (il divino Bocaccio), издателемъ Италіянскаго Декамерона, но единственно ради того, что и въ семъ моемъ Русскомъ Декамеронѣ десять главъ.

ГЛАВА I.

На другой день послѣ обѣда друзья собрались въ гостинной довольно еще рано; но Чинарскаго еще не было. «Нашъ поэтъ вѣрно хочетъ возбудить нетерпѣніе своихъ слушателей,» сказалъ Саблевъ, набивая трубку, которую онъ, ближній родственникъ графини и человѣкъ уже не молодой, курилъ иногда и при дамахъ « Бьюсь объ закладъ, » отвѣчала Юлія, « что Чинарскій теперь въ своей комнатѣ, въ уединеніи преподаетъ самому себѣ уроки декламаціи: вѣдь необходимо же ему хоть хорошимъ чтеніемъ подкупить ваше — безпристрастіе! »

САБЛЕВЪ. Подкупить мое безпристрастіе? фраза всѣмъ фразамъ вѣнецъ! — Да вы не то хотѣли сказать, Юлія! развѣ озадачить, поставить въ тупикъ, пристыдить мою насмѣшливость? Но здѣсь по неволѣ замолчитъ и моя насмѣшливость, на которую такъ нападаете: и мнѣ предстоитъ судьба Чинарскаго! и я въ свою очередь предстану на судъ Дворцовскаго Ареопага! — А что до подкуповъ, такъ знаю въ этомъ Ареопагѣ лице, котораго другу моему Чинарскому не подкупить, хотя бы читалъ лучше и Катенина и Гнѣдича.

ЮЛІЯ. Это лице, безъ сомнѣнія, вы сами?

САБЛЕВЪ. Безъ сомнѣнія, не я. *(въ полголоса)* А подкупить его нельзя за тѣмъ, что давно ужъ подкуплено — и не чтеніемъ.

Къ счастію Юліи тогда былъ тотъ часъ, который Польки называютъ szara godzina, прелестный часъ, въ который цѣлуются день и ночь, въ который и внука Ванды не всегда отказываетъ молодому гостю въ скромномъ поцѣлуѣ, — или, говоря прозою: къ счастію Юліи тогда были сумерки, а свѣчекъ еще не подали; иначе несносный дядя увидѣлъ бы, какъ она вся вспыхнула и ей отъ него не скоро бы отдѣлаться. — Вошелъ Чинарскій.

ГРАФИНЯ. Гдѣ были, Левъ Петровичь? — Братецъ и Юлія воюютъ, а яблоко ихъ раздо-

ра вы. Что дѣлали? утверждают, будто вы, между тѣмъ, какъ васъ ждали, на досугѣ готовились къ чтенію, повторяли, декламировали?

ЧИНАРСКІЙ. Виноватъ, графиня: я не повторялъ, не декламировалъ; впрочемъ точно готовился. . . .

САБЛЕВЪ. То есть ты къ стихамъ своимъ сочинялъ предисловіе?

ЧИНАРСКІЙ. Не сочинялъ и не бралъ даже пера въ руки: а придумывалъ что-то въ самомъ дѣлѣ похожее на предисловіе.

САБЛЕВЪ. Вотъ вамъ и подкупы!

ГРАФИНЯ. Какъ? Предисловіе?

ЧИНАРСКІЙ. Позвольте мнѣ объясниться. . . предметъ моего разсказа изъ Персидской исторіи, происшествіе Персидское, нравы также, самому слогу я старался придать нѣчто Восточное, Персидское; — а Персія. . . .

ГРАФИНЯ. Мало намъ извѣстна? И вы хотите предварительно насъ нѣсколько познакомить съ Персіянами?

ЧИНАРСКІЙ. Съ моей стороны конечно было бы непростительно, если бы я думалъ, что...

ХОЛМОВЪ *(пріятель Чинарскаго)*. Оставь по крайней мѣрѣ свое предисловіе безъ предисловія

Графиня и всѣ мы выслушаемъ тебя съ удовольствіемъ; ты долженъ знать Персію, лучше насъ.

САБЛЕВЪ. И мудрено-ли? счастливецъ сражался подъ знаменами Эриванскаго! Признаюсь другъ, я часто тебѣ завидовалъ; и если бы не эти сѣдые волоса, да Французская пуля, которая подъ Парижемъ.... Но Богъ съ нами, съ Парижемъ и съ Французами и съ ихъ пулями! Что скажешь намъ о Персіи?

ЧИНАРСКІЙ. Мало, полковникъ: я и самъ едва успѣлъ заглянуть въ Персію. А что скажу, то вѣроятно вамъ изъ книгъ столько же и, можетъ быть, лучше моего извѣстно. Но всякому свое дорого и чтобъ моя повѣсть не показалась иногда темною, я бы желалъ освѣжить, оживить въ вашей памяти, что знаете о Персіи, особенно о древней Персіи.

КНЯЗЬ РАДОМСКІЙ. Позвольте же васъ спросить: какого періода Персидской Исторіи происшествіе, которое вы обработали?

ЧИНАРСКІЙ. Догадываюсь, что оно сбылось въ первые года царствованія Дарія Истаспа. — Впрочемъ большею частію я слѣдовалъ источникамъ не Греческимъ и посему и Дарію и Персіи возвратилъ ихъ настоящія, народныя имена: первый у меня вездѣ Дара, сынъ Густасповъ, вторую почти вездѣ называю Ираномъ

ЮЛІЯ. Чинарскій, вы не разсердитесь; но — не знаю, какъ выразиться — замѣнять имена всѣмъ извѣстныя такими, которыхъ не всѣ знаютъ . . . . .

ЧИНАРСКІЙ. Похоже на педантство? — И было бы истиннымъ педантствомъ, еслибы эти имена стояли однѣ, если бы не были такъ сказать въ союзѣ съ нравами, преданіями, картинами, слогомъ, не разлучными съ ними, въ товариществѣ съ мѣстностію и повѣріями, которыя только при нихъ представляются воображенію. Но когда называю Иранъ царствомъ свѣта, какъ называетъ его Иранецъ Фирдоуси́, противуставляя свое отечество царству мрака, Турану, нынѣшнему Туркистану; когда упоминаю о Рустмѣ, Залѣ, Феридунѣ, герояхъ, славныхъ въ однихъ Иранскихъ сказаніяхъ; когда употребляю вездѣ, сколько былъ въ силахъ, краски поэтовъ Восточныхъ: могу ли я присвоить имена ненародныя тому царю, той землѣ, о которыхъ разсказываю?

ХОЛМОВЪ. Ты, кажется, сказалъ, что Грековъ вовсе оставилъ безъ вниманія. Въ этомъ я съ тобою довольно согласенъ: они какъ въ наше время Французы, все относили къ себѣ, перековывали на свой ладъ, вездѣ хотѣли видѣть свое и одно свое. Говорятъ, что для Парижанъ на милю отъ воротъ Парижскихъ начинается Камчатка, а при всемъ этомъ они и о

Камчадалахъ не перестаютъ судить по законамъ Парижскаго вкуса, Парижскихъ предразсудковъ и прихотей Парижскихъ. Аѳиняне, которые на нихъ во многомъ похожи, и въ этомъ отношеніи могутъ назваться Парижанами древнихъ.

Кн. РАДОМСКІЙ. Вы слишкомъ строги, Холмовъ, и къ Грекамъ и къ Французамъ. Нынѣ Французы не то, что были лѣтъ 50 тому назадъ; они нынѣ очень уважаютъ чужую народность: словесность не только всѣхъ ихъ сосѣдей, но и племенъ Азіятскихъ самыхъ отдаленныхъ возбудила живое вниманіе не однихъ Французскихъ ученныхъ, а почти всѣхъ и каждаго читающаго Француза. — И къ Грекамъ будемъте справедливы: Геродоту напримѣръ, котораго недавно еще считали выдумщикомъ, почти сказочникомъ, новѣйшіе изслѣдователи возвратили всѣ права его на общую довѣренность: нынѣ доказано, что извѣстія свои онъ бралъ прямо изъ устъ народовъ, по коимъ странствовалъ, и передавалъ ихъ безъ всякой примѣси, безъ всякаго умничанья, а потому то именно онѣ иногда и кажутся слишкомъ поэтическими.

ЧИНАРСКІЙ. Князь, я совершенно вашего мнѣнія. Холмовъ ошибается, когда полагаетъ, что я ничего не заимствовалъ у Грековъ. — Въ самомъ началѣ моей поэмы Солнцу или Митрѣ, главнѣйшему божеству Персовъ по мнѣнію Грековъ, курится ѳиміамъ на алтаряхъ Ирана:

Впрочемъ это не значитъ, чтобъ я приписывалъ Персамъ многобожіе; знаю, что они всегда и во всѣхъ вѣкахъ признавали одно Верховное Существо; но Солнце и Огонь дѣйствительно для нихъ были главнѣйшими символами Его всемогущества и благости.

ГРАФИНЯ. Какъ, Чинарскій? Персы всегда признавали одно Верховное Существо? А что же ихъ дуализмъ? ихъ Ормуздъ и Ариманъ, начало добра и начало зла, враждующія между собою?

ЧИНАРСКІЙ. Ормуздъ и Ариманъ, графиня, по Персидской демонологіи были первые, высшіе два Эона изъ всѣхъ сотворенныхъ создателемъ, цари всѣхъ прочихъ духовъ и ангеловъ, но подчинены Вѣчному. Ариману, ихъ Черно-богу, надлежало въ концѣ вѣковъ пасть передъ ихъ Бѣл-богомъ, Ормуздомъ, и тогда самъ Ормуздъ скипетръ надъ вселенною возвращалъ Всевышнему, котораго былъ временнымъ только намѣстникомъ.... Но съ вашего позволенія замѣчу еще нѣчто, что я заимствовалъ у Геродота и что, если только смѣю судить о собственномъ произведеніи, по своему истинно восточному характеру совершенно сливается съ тѣмъ, что я взялъ изъ настоящихъ Азійскихъ сказаній: это рожденіе Кира.

Кн. РАДОМСКІЙ. Кира? — О немъ, какъ увѣряютъ, не говоритъ ни одинъ Азіятской писатель.

Если вамъ нужно было коснуться основанія Иранскаго государства, какъ не вспомнили вы о Джемшидѣ, котораго Фирдоуси́ такъ великолѣпно изображаетъ въ своей первой книгѣ Царствъ?

САБЛЕВЪ. Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма! Полагалъ ли я, что на сорокъ пятомъ году придется мнѣ переучивать то, чему выучился на десятомъ? И такъ на повѣрку великій Киръ, завоеватель Азіи, примѣръ, образецъ, зерцало всѣхъ царей, герой Ксенофонтовой Киропеиды....

ГРАФИНЯ. Никогда не существовалъ! Признаюсь, князь, и мнѣ какъ то жаль, считать Кира лицемъ выдуманнымъ.

ЧИНАРСКІЙ. Князь не говоритъ, что Киръ не существовалъ, а только что не былъ основателемъ Иранской Имперіи — и это, кажется не подлежитъ сомнѣнію: сами Греки гораздо прежде Кира упоминаютъ о царяхъ Мидійскихъ: что же Мидяне, если не Иранцы? Въ книгѣ Бытія упоминается объ Эламитахъ и царѣ Эламскомъ или Иранскомъ, современныхъ уже Аврааму. И въ томъ князь правъ, что Азіятскіе, по крайней мѣрѣ, Персидскіе историки нигдѣ не говорятъ о Кирѣ: самое слово *Киръ* не есть Персидское.

ГРАФИНЯ. Да, позвольте, господа ученые! Что же по вашему Киръ? Былъ ли онъ когда

или не былъ? И какъ вы, Чинарскій, помѣстили его въ свою поэму?

ЧИНАРСКІЙ. По моему мнѣнію, графиня, если только мое мнѣніе что значитъ. . .

ГРАФИНЯ. Прошу васъ, безъ оговорокъ!

ЧИНАРСКІЙ. По моему мнѣнію, Киръ былъ Парсъ, горецъ, полудикій князь Фарсистана, небольшой области, подвластной Пади-Шаху Иранскому; впрочемъ по матери внукъ царя Дары I-го или Астіяга, какъ называютъ его Греки: онъ свергъ съ престола дѣда своего, а своими завоеваніями ужаснулъ Грековъ, которые въ его время узнали въ первый разъ все могущество Ирана и назвали сію страшную имперію Персіею или Фарсистаномъ, потому что Киръ по Азіятскому обыкновенію имя своей родины далъ всей громадѣ земель ему подручныхъ. Эллины, затвердивъ слово: *Персія,* продолжали называть такъ весь Иранъ; но въ самомъ Иранѣ оно не сохранилось. Камбизъ, сынъ Кира былъ последній Парсъ, сидѣвшій на престолѣ Джемшида. Его преемникомъ былъ Иранскій магъ, выбранный вѣроятно магами же, которые столь много значили при царяхъ перваго поколѣнія. Сначала, правда, употребили хитрость, — и маги, чтобъ не раздражить Парсовъ, своего собрата возвели на престолъ подъ именемъ Смердиса, младшаго сына Кирова. Но по смерти

сего самозванца Мидянинъ Дара, сынъ Густасповъ, взложилъ на себя тіяру, ни мало уже не опасаясь малочисленныхъ Парсовъ, которые между тѣмъ средь роскоши Сузы и Экватаны утратили прежнее свое дикое мужество. Съ того времени самое названіе: *Персія,* напоминавшее Иранцамъ ихъ постыдное покореніе, пришло въ забвеніе. И мудрено ли послѣ того, что ихъ лѣтописцы не упоминаютъ о ненавистномъ для нихъ иноплеменномъ похитителѣ, лѣтописцы народа столь надменнаго, дошедшіе притомъ до насъ только въ позднѣйшихъ отголоскахъ, въ одной почти Ша-Намѐ?

ЮЛІЯ. Что это — Ша-Намѐ?

ЧИНАРСКІЙ. Книга Царствъ, поэма Фирдоусѝ, Персидскаго Гомера, въ которой онъ повѣствуетъ дѣянія баснословныхъ царей Иранскихъ..... Возрожденіе Ирана и его имени, графиня, представляетъ вамъ и позднѣйшая исторія сей страны и еще въ огромнѣйшихъ очеркахъ: вспомните Шапура великаго; не исчезаетъ ли при немъ имя Парѳянъ и весь бытъ, всѣ обыкновенія, принятыя ими отъ Грековъ, все чужое, привитое Ирану Александромъ и его преемниками? По крайней мѣрѣ Македонскаго завоевателя не забыли еще въ Азіи: Искандеръ-Ша не менѣе славенъ на востокѣ, нежели на западѣ. — Что же до Кира, онъ и въ Еврейскихъ писаніяхъ называется не Киромъ, а Хозроемъ. —

САБЛЕВЪ. Спасибо, братъ Чинарскій, за объясненіе: теперь и овцы цѣлы и волки сыты, Да какъ же, другъ, вклеилъ ты — Кира въ поэму свою? — У тебя, кажется, дѣло-то сбывается при Даріѣ? —

ЧИНАРСКІЙ. Это, полковникъ, если только возьмете терпѣніе, вы увидите изъ самой поэмы. — Въ ней же я коснулся еще событія, которое у меня совершаетъ Дара, сынъ Густасповъ, а многіе приписываютъ Дарѣ I-му — покореніе Вавилона. Но у меня Вальтасаръ только взбунтовавшійся голдовникъ Царей Мидійскихъ; такимъ образомъ не противорѣчу мнѣнію и тѣхъ, которые вѣрятъ, что Вавилонъ былъ завоеванъ Иранцами еще прежде Дары II-го. —

ГРАФИНЯ. Все это прекрасно; но признаюсь, мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы, вмѣсто всѣхъ этихъ Даръ и Густасповъ, вы намъ сказали слова два о Пери, о Дивахъ, о любви Розы и Соловья, о волшебной Природѣ востока, которую такъ прелестно изображаетъ Муръ въ Лалла-Рукѣ. —

ЧИНАРСКІЙ. Надобно быть Муромъ, чтобъ создать нѣчто, похожее на его *Свѣтъ Харема* и *Огнечтителей*. Но кто же, говоря о востокѣ, совершенно упуститъ изъ виду любовь Розы и Соловья, о которой твердятъ тысячи Газеллъ поэтовъ Иранскихъ?

ГРАФИНЯ. За это вамъ спасибо: я было немного испугалась вашей учености; но теперь надѣюсь, что будетъ кое что и для насъ, дочерей Эвиныхъ. По крайней мѣрѣ хоть воображеніемъ залетимъ въ сады Тузскіе и вберемъ въ себя благоуханіе розы Кашемира, прекраснѣйшей изъ всѣхъ цвѣтовъ земныхъ! —

ЧИНАРСКІЙ. Не забылъ я и ложной зари которую описываетъ Муръ. —

ГРАФИНЯ. Да! заря, что у нихъ показывается за часъ до разсвѣта, исчезаетъ и снова уступаетъ ночи ....

ЮЛІЯ. А Дивы, Чинарскій! А Пери?

Чинарскій смѣшался.

САБЛЕВЪ. Онъ, племянница, тогда не зналъ еще ни васъ, ни меня: иначе, — я увѣренъ, — у него бы явился старый Дивъ, вышедшій въ отставку за ранами, и воевалъ съ прекрасною Пери!

ЮЛІЯ. You, naughty uncle!

Кн. РАДОМСКІЙ. Вы однакожъ пользовались восточною Миѳологіею? —

ЧИНАРСКІЙ. Сколько пришлось мнѣ кстати. Такъ я упомянулъ о семи великихъ ангелахъ,

которые стоятъ передъ престоломъ Ормуздовымъ и которыхъ подобіемъ были семь великихъ Сатраповъ, извѣстныхъ и Грекамъ подъ названіемъ глазъ и ушей великаго царя. Сказалъ я слова два и объ Исфранлѣ, ангелѣ пѣсней, восточномъ Аполлонѣ. Встрѣтите еще Зердужта или Зороастра, законодателя Персіи: онъ, правда, лицѐ не баснословное. А Солимана или Соломона оставилъ я повелителемъ духовъ и геніевъ какимъ считаютъ его Азіятцы. Сверхъ того найдете извѣстную главу Магометова Курана, запрещающую правовѣрнымъ изображать человѣка.

ГРАФИНЯ. Помню ее изъ своего Французскаго перевода: кумиры и образы въ день судный потребуютъ у своихъ творцевъ души, которой они не могли дать имъ.... Не такъ ли? — Да какъ же вы перенесли эту Суру во времена Дарія?

САБЛЕВЪ. Ma cousine, это ничего: это не большой salto mortale, позволительный иногда нашей братьѣ — puisqu'il faut que j'en sois — поэтамъ, особенно молодымъ! и — особенно съ тѣхъ поръ, какъ господа Нѣмцы и Англичане насъ съ ума свели!

ЧИНАРСКІЙ. У меня, полковникъ, надѣюсь, вы тутъ не найдете ни какого salto mortale: Сура въ устахъ разскащика, Магометанина, Персіянина нашего времени.

ГРАФИНЯ. Понимаю.

ЧИНАРСКІЙ. Точно тоже скажу о жемчужинѣ царя Цейланскаго, съ которою мой разсказщикъ сравниваетъ краснорѣчіе одного изъ дѣйствующихъ лицъ и за которую какой-то халифъ, предлагалъ цѣлую область ея владѣтелю . . . . .

ГРАФИНЯ. А тотъ отвѣчалъ, что не возьметъ за нее и всѣхъ царствъ земныхъ? жемчужина старая знакомая; ее я какъ то видѣла у Мура.

ЧИНАРСКІЙ. Графиня, чувствую всю слабость моего произведенія и сознаюсь во всѣхъ своихъ похищеніяхъ . . . . Но я напередъ говорилъ вамъ, что я не поэтъ. — Быть можетъ въ стихахъ моихъ Востокъ напомнитъ вамъ однѣ слова, однѣ названія и графиня Юлія, быть можетъ, совершенно права: я былъ педантомъ, когда переименовалъ Дарія — въ Дары, рѣку Индъ назвалъ Синдомъ, царя Пади-Шахомъ, а еще бо́льшимъ педантомъ, когда скучалъ вамъ моими оправданіями и объясненіями.

ГРАФИНЯ. И вы умѣете сердиться, Чинарскій! я этого отъ васъ не ожидала. Вотъ, Julie, ты виновата: если Левъ Петровичъ не прочтетъ намъ своей поэмы, мы обвинимъ тебя, одну тебя.

ЮЛІЯ. Не я, Maman: вы, Князь, Mr. Холмовъ, дядюшка виноваты гораздо болѣе меня; вы всѣ втрое болѣе моего требовали и спрашивали отъ нашего поэта. Но, Левъ Петровичъ, вы не захотите наказать насъ, Княжну Лидію, сестрицу, баронессу, барона и меня за вину маменьки и этихъ господъ критиковъ; вы не лишите насъ удовольствія.

САБЛЕВЪ. Если ты, братъ Чинарскій, послѣ столь убѣдительной просьбы, не забудешь всего, не раскроешь тотъ часъ своей тетради, не начнешь теперь же читать, я, твой другъ Саблевъ, подумаю, что и ты въ день судный, подобно портретамъ и статуямъ господъ Мусульманъ, напрасно будешь искать души своей.

ЧИНАРСКІЙ. И вы будете правы, полковникъ.— Но я не думалъ отказываться. — Графиня, прикажете ли?

ГРАФИНЯ. Прошу васъ.

Чинарскій началъ.

ЗОРОВАВЕЛЬ.

ЧАСТЬ I.

Надъ войскомъ Русскаго Царя
Въ стѣнахъ Табриза покоренныхъ
Блѣднѣетъ поздняя заря;
На минаретахъ позлащенныхъ,
Дрожа, послѣдній лучь сверкнулъ;
Умолкъ вечерній пушки гулъ;
Умолкъ протяжный гласъ Имана
Зовущій вѣрныхъ чадъ Курана
Окончить знойный день мольбой.

Но въ сизомъ дымѣ каліяна *
Безмолвной окруженъ толпой,
Сидитъ разскащикъ подъ стѣной
Полуразрушеннаго Хана **.
И говоритъ: да дастъ Алла
Устамъ моимъ благословенье!
Да будетъ рѣчь моя свѣтла
И сладко словъ моихъ теченье!
О чемъ же возвѣщу, друзья?
Нѣтъ! Рустма, Зала, Феридуна

---

* Персидская трубка, которую курятъ, вытягивая дымъ сквозь воду.

** Персидская гостиница, Караван-Сарай.

Не славлю; старъ, безсиленъ я:
Ихъ славить нужны блескъ перуна,
Морей обилье, гласъ громовъ . . . .
Но все жъ мое повѣствованье
Вѣщаетъ о странѣ отцовъ:
Предъ вами повторю сказанье
Заката хладнаго сыновъ
О Дарѣ, прежнихъ дней свѣтилѣ
И юныхъ трехъ его рабахъ.
Въ хранимой ангеломъ могилѣ
Да спитъ ихъ безмятежный прахъ!

Надъ міромъ воцарился Дара:
Онъ тѣнь руки своей благой
Простеръ надъ широтой земной, —
И Милосердіе и Кара,
Его крылатые рабы,
Стоятъ предъ нимъ — и ждутъ глагола,
Да сотворятъ его судьбы;
И се — едва кивнетъ съ престола
Челомъ могущимъ Пади-Ша,
Летятъ быстрѣй, чѣмъ блескъ зарницы,
И по дѣламъ изъ ихъ десницы
Пріемлетъ всякая душа,
Нѣмой исполненна боязни,
То воздаянія, то казни. —

Былъ пиръ въ дому Царя Царей
И въ домъ его благословенной

Толпа Сатраповъ и вождей
Стеклась со всѣхъ концевъ вселенной.
Съ предѣловъ Синдовыхъ пришли:
Тамъ Митры колыбель святая;
Оттолѣ по лицу земли
Потоки свѣта изливая,
Онъ шествуетъ по небесамъ
И собираетъ отъ Ирана
Благоуханный ѳиміамъ.
И съ Фараоновой могилы,
Гдѣ жизнь Египта, тучный Нилъ
Межъ пирамидами почилъ,
Явились въ Сузу мужи силы.
Явился и Ливійскій вождь,
Сосѣдъ пустыннаго заката,
Отчизны гадовъ, львовъ и злата:
Тамъ по годамъ не капнетъ дождь
На степь изъ окрыленной тучи,
Но въ бурю океанъ сыпучій
Кружится, катитъ страхъ и смерть
И тьмитъ песка волнами твердь;
Тамъ слѣпы умственныя очи,
Тамъ, духомъ дремля, человѣкъ
Безъ думъ начнетъ и кончитъ вѣкъ,
Тамъ въ черный кровъ угрюмой ночи
Не Аримана-ли рука
Его и образъ облекла? —
Примчался Парѳскій воевода,
Носящій за плечами лукъ;

Изъ Балка, жительства наукъ *
Предстали пастыри народа;
Съ полудня, съ сѣвера, съ восхода:
Изъ Скиѳіи, страны снѣговъ,
Съ утесовъ Ѳракіи холодной,
Изъ Сардъ, изъ Сиріи безводной,
Съ Эллинскихъ славныхъ острововъ,
Изъ Лидіи, изъ дома Креза, —
На памятный во вѣки пиръ
Мужей держащихъ въ длани міръ
Созвала царская трапеза.

И два дня вѣрныхъ слугъ своихъ
Князей войны, князей совѣта,
Честилъ властитель царства свѣта.
На третій, уклонясь отъ нихъ,
Встаетъ, идетъ въ свою ложницу,
Сложилъ вѣнецъ и багряницу
И, мощной утомленъ душой,
На одръ простерся—на покой.
Ложницу Дары ночь одѣла
И днемъ прохладной темнотой;
И трое стражъ Царева тѣла,
Да не проникнетъ тайный врагъ,
Хранятъ ея священный прахъ:
Кто юные сіи герои?
Родились гдѣ? ихъ первый шагъ

---

* Балкъ, городъ въ Сѣверо-Восточной Персіи, славился въ Азіи своимъ училищемъ, какъ въ послѣдствіи Самаркандъ.

На полѣ славы и отвагъ
Какіе увѣнчали бои?

Что съ виду старшій изъ троихъ,
Румяный, полный и высокій,
Власами русый, свѣтлоокій,
Покинулъ тамъ боговъ своихъ,
Гдѣ отразились башни Смирны
Въ зерцалѣ средиземныхъ водъ,
Гостей сзываетъ торгъ всемірный
И въ нѣгѣ ослабѣлъ народъ.
Въ садахъ Іоніи цвѣтущихъ
Отъ братьевъ и отцевъ могущихъ
Наслѣдье Грековъ—лишь языкъ;
Роскошствуетъ въ златой неволѣ
Подъ грознымъ скипетромъ владыкъ
Сѣдящихъ на святомъ престолѣ,
Его - же основалъ Джемшидъ,
Съ него - же сынъ Густаспа нынѣ,
Спасая слабыхъ отъ обидъ,
Ужасенъ дерзостной гордынѣ.
Опасной сладости полна
Младаго витязя страна,
Но бодраго любимца славы
Отъ пагубной ея отравы
Отторгла мощная война.

Его товарищъ ниже: жилы
И грудь и мышцы кажутъ въ немъ

Избытокъ юной, свѣжей силы;
Онъ важенъ и суровъ лицемъ,
Владѣетъ легкостію барса;
Какъ смоль черна густая бровь,
Въ немъ неподмѣшанная кровь
Питомца горъ, прямаго Парса —
Тѣхъ горъ, гдѣ возращенъ Хозрой,
На западѣ превознесенный,
Владѣвшій Азіей Герой,
И что-же? Азіей забвенный!
Но мудрый Эллинъ, искушенный
Въ писаніяхъ земли родной *),
Хозрояименуетъ Киромъ.
И пишетъ: «Дѣду Кира сонъ
Былъ посланъ и увѣдалъ онъ,
Что руку внукъ простретъ надъ міромъ;
А Кира дѣдъ былъ царь мужей
И жилъ въ твердынѣ Экватаны,
Мидъ племенемъ, отецъ Манданы;
Въ видѣньи-жь вѣщихъ трехъ ночей
Царю являлась дщерь царева
Незнавшая супруга дѣва,
И зрѣлъ онъ: древо возросло
Изъ лона дѣвы нерастлѣнной,
Одѣло тѣнію надменной
Всѣ царства, всѣ страны вселенной —
И скрыло въ небесахъ чело.

---

*) Геродотъ.

И, симъ видѣньемъ возмущенной,
Камбизу, Парскому ловцу,
Нестрашному его вѣнцу,
Дрожащій властель Экватаны
Велѣлъ супругомъ быть Манданы.
Но что-же смертный предъ судьбой?
Манданой былъ рожденъ герой
И се — возросъ на ужасъ дѣда
И скликалъ съ Парскихъ горъ ловцовъ
И рекъ: «мнѣ будетъ псомъ побѣда;
Народы-жь Азіи мой ловъ!» —
Поднесь соотчичи Хозроя
Мечтаютъ объ однихъ бояхъ
И въ неприступныхъ ихъ скалахъ
Для нихъ ловитва образъ боя.
Имъ любо съ дикаго коня,
(Конь весь изъ вѣтра и огня
И шумный бѣгъ быстрѣе бури)
Пуская мѣткую стрѣлу
За тучи прямо въ грудь орлу,
Сражать его среди лазури.
Сверкнетъ-ли въ солнечныхъ лучахъ
Ихъ дротъ въ утесахъ ихъ кремнистыхъ?
И въ мигъ объемлетъ серну страхъ;
Надъ безднами въ туманахъ мглистыхъ
Летитъ . . . . исчезла въ облакахъ.
Когда-жь во мракѣ древъ тѣнистыхъ,
Въ дремучихъ вѣковыхъ лѣсахъ
Завопятъ: — затрепещутъ тигры.

Но яда нѣги въ тѣхъ горахъ
Еще не знаютъ: имъ ихъ игры
И въ лонѣ мирной тишины
Являютъ грозный видъ войны;
И тотъ-же конь, участникъ въ битвѣ,
Участникъ въ дерзкой ихъ ловитвѣ,
И тутъ участникъ; — то на немъ,
То вдругъ подъ нимъ, въ весельи дикомъ,
Несутся другъ за другомъ съ крикомъ....
Не крылья-ль имъ даны огнемъ
Очей, какъ тьма ночная, черныхъ?
Несутся — и тупымъ копьемъ
Чалму сбиваютъ съ непроворныхъ.

Не сходны скалы Парсовъ горныхъ
Съ холмами Греціи златой;
И оба стража межь собой,
Эллады сынъ краснозычный
И Парсъ, едва-ли не нѣмой
Душой и образомъ различны.

Но третій, младшій ихъ клевретъ,
Какъ дѣва, — нѣженъ, ростомъ малый;
Его уста, какъ роза, алы.
Цвѣтовъ царица, райскій цвѣтъ
Которымъ до земли одѣтъ
Эдема Тузскаго шиповникъ,
Къ которому летитъ любовникъ,
Весенній, страстный соловей

И, сокровенъ отъ всѣхъ очей,
Въ душистой тьмѣ поетъ и стонетъ
И въ морѣ сладкозвучья тонетъ.
Какъ дѣва нѣженъ, ростомъ малъ,
Юнѣйшій стражъ изъ стражей Дары;
Но отроку безсмертный далъ
Тотъ взоръ, предъ коимъ буйство свары
Дрогнетъ и трепетный мятежъ
Подастся вспять за свой рубежъ.
Откуда витязь величавый?
Совѣта-ль мужъ или боецъ,
Сатрапъ, ревнитель бранной славы
Счастливца счастливый отецъ?
Невѣдомо героя племя:
Склонилъ-же отрокъ на себя
Цареву благость въ оно время,
Когда, карая и губя,
Неукротимый въ гнѣвѣ Дара
Бралъ на копье кромольный градъ
Раба Персиды — Валтасара.
Тогда сошелъ до срока въ адъ
Останокъ горестный отъ рода
Земли мучителя Неврода:
Тьма душъ мужей и женъ и чадъ;
И въ казнь безумной ихъ измѣны
Распались Вавилона стѣны. —
Въ сей день неистовый Халдей,
Сразивъ коня изъ тѣхъ коней,
Что мчали Дары колесницу,

На самаго царя десницу
Занесъ; — но съ дивной быстротой
Пронзилъ крылатою стрѣлой
Безвѣстный юношу убійцу —
И Дара юноша того
Взялъ въ стражу тѣла своего.
Кто онъ? не знаютъ: вѣрить слуху?
И родомъ не уступитъ духу,
Живущему въ груди его.
И самый оный взоръ владычный
Не есть-ли взоръ Царямъ приличный?
« Нѣтъ! дѣдъ его или отецъ, »
Такъ шепчетъ шопотъ стоязычный,
« Носилъ порфиру и вѣнецъ. »

Почіетъ въ сладостномъ покоѣ
Властитель Дара: все молчитъ;
Не брякнетъ мечь, не звукнетъ щитъ.
Младые витязи, всѣ трое,
Недвижные средь тишины,
Дыханья, — скажешь, — лишены;
Даетъ безмолвіе святое
Разслышать самый бой сердецъ,
Узнаешь въ семъ единомъ боѣ,
Что сотворилъ ихъ не рѣзецъ,
Что въ день Господня правосудья
Не позовутъ того на судъ,
Чей дерзостный, безумный трудъ,
Чьи богохульныя орудья

Имъ образъ дали, но въ ихъ грудь
Души не возмогли вдохнуть:
Уста кумировъ въ день конечной,
Когда разгонитъ ложь и тьму
Златое солнце правды вѣчной
Творцу промолвятъ своему:
«Твои мы, — Аллы подражатель!
Твои мы... узнаешь ли? зри!
Ты далъ намъ тѣло, нашъ создатель!
Намъ нынѣ душу сотвори!»
И грѣшникъ отъ лица Господня
Тогда, трепеща, побѣжитъ;
Но громъ суда его сразитъ
И съ смѣхомъ приметъ преисподня.

Подобно истуканамъ симъ,
О коихъ въ Сурѣ оной грозной
Пророкъ, противникъ влаги лозной
(Да будетъ слава Аллы съ нимъ!)
Вѣщаетъ чтителямъ своимъ,
Стояли юноши. — Но младость
Таитъ-ли долго при друзьяхъ
Желанья и печаль и радость,
Надежду и мечты и страхъ?
И долго-ль тихій, молчаливый
Съ перстомъ на запертыхъ устахъ
Пребудетъ Грекъ велерѣчивый?
Прервалъ безмолвье юный Грекъ
И, шепча, такъ клевретамъ рекъ:

» Напишемъ, други, каждый слово
И сердце каждаго въ своемъ
Да будетъ смѣло и готово
— Предъ царскимъ устоять лицемъ!
И на того кто превозможетъ,
Чей мощный, вѣса полный стихъ
Стихи клевретовъ уничтожитъ,
Властитель Дара самъ возложитъ
Единую изъ ризъ своихъ....
Такъ вѣрьте мнѣ! щедротой дивной
Великій царь почтитъ его:
Счастливцу дастся торжество....
Украшенъ многоцѣнной гривной,
— Висонный возпося кидаръ *),
Блестя, сіяя, словно жаръ,
Онъ въ колесницѣ златовидной
Народнымъ явится очамъ;
Въ устахъ и зависти постыдной
Конца не будетъ похваламъ.
Блажимый сѣверомъ и югомъ,
Въ градахъ, въ чужбинѣ, средь степей,
Онъ ради мудрости своей
Царевымъ наречется другомъ
— И сродникомъ Царя Царей!»

И вняли юноши клеврету
И, молча, каждый изъ троихъ,

*) Чалма, а у жрецовъ родъ митры. Виссъ или виссонъ каменный ленъ (Byssus Steinflachs).

Благому слѣдуя совѣту
На свиткѣ написалъ свой стихъ.
И свитокъ запечатанъ ими;
И, чуть дыша, одинъ изъ нихъ
Избранный братьями своими,
Какъ духъ безплотный, скоръ и тихъ
Въ ложницу входитъ... Сномъ-же здравья,
Усталости отраднымъ сномъ,
Парящимъ рѣдко надъ челомъ
Одѣтымъ въ блескъ самодержавья,
Спалъ Царь... и подъ коверъ возглавья
Посолъ клевретовъ свитокъ ихъ
Кладетъ — и вышелъ изъ ложницы
Быстрѣе поднебесной птицы
И, какъ весны дыханье, тихъ.

«Возстанетъ Дара и писанье
Ему постельничій подастъ
И, какъ отъ стрѣлъ перуна хврастъ,
Такъ возгорится въ немъ желанье:
«Ихъ искушу въ словесной прѣ;»
И мы сразимся при царѣ,
И, въ силу онаго устава,
Которымъ искони была
Иранскихъ властелей держава
Во всей подсолнечной свѣтла,
Тотъ въ битвѣ сей увѣнчанъ будетъ,
Побѣду стяжетъ тотъ изъ насъ,
Кому ее самъ царь и гласъ

Трехъ избранныхъ вельможъ присудитъ.»
Такъ юноши между собой
Вѣщаютъ; къ сладостной побѣдѣ
Летятъ кипящею душой —
И ставятъ грань своей бесѣдѣ.

— ✻ —

Тутъ подали чай. Чинарскій положилъ тетрадь и всталъ со стула; къ нему подошелъ баронъ Освальдъ, который во весь вечеръ мало вмѣшивался въ общій разговоръ, но съ которымъ намъ пора познакомиться. Освальдъ Лифляндецъ, но воспитывался въ Петербургѣ; женатъ на Русской и равно хорошо знаетъ оба языка, Нѣмецкій и Русскій. — Словесность Германіи ему совершенно знакома, но онъ любитъ словесность и нашего Отечества, а слово Русское считаетъ богатѣйшимъ и прекраснѣйшимъ во всей Европѣ. Литтературы обоихъ народовъ не сравниваетъ, ибо еще и понынѣ это значило бы сравнивать зрѣлаго мужа съ мальчикомъ; впрочемъ, удивляясь многому, что произвелъ мужъ, онъ ожидаетъ многаго и отъ мальчика.

Болѣе ста лѣтъ прошло, какъ принадлежитъ Россіи древняя Ливонія и наконецъ потомки Тевтонскихъ рыцарей стали, кажется, сближаться съ своими соотечественниками Сла-

вянскаго племени. Нынѣ уже и въ спискѣ нашихъ писателей кое гдѣ мелькаютъ имена ихъ, а нѣкоторые подаютъ надежду, что, можетъ быть, будутъ достойными преемниками Фонъ-Визина, Хемницера и незабвеннаго Дельвига. Освальдъ также пишетъ, но до вечера исповѣдей графини и гостей ея, объ этомъ знала одна баронесса.

«Вы, любезный другъ,» сказалъ онъ Чинарскому, «въ своей поэмѣ, сколько вижу, предприняли что-то похожее на то, чего Гёте хотѣлъ въ своемъ Диванѣ; и у васъ было намѣреніе слить въ ней поэзіи восточную и западную.

ЧИНАРСКІЙ. Быть можетъ, баронъ. Но если подумаю, какъ мало это удалось даже великому Гёте, не смотря на многое прелестное, многое превосходное въ его Диванѣ, какъ вездѣ виденъ шёвъ, которымъ у него западъ придѣланъ къ востоку или востокъ къ западу, какъ рѣдко ему случается быть истиннымъ Гафизомъ, истиннымъ мусульманскимъ книжникомъ и какъ вездѣ почти фракъ выглядываетъ изъ подъ его Иранскаго кафтана; если подумаю обо всемъ этомъ, какъ могу еще надѣяться, что приблизился къ своей цѣли? —

ОСВАЛЬДЪ. Насмѣшки, шутки, веселость различныхъ народовъ до безконечности различны

между собою и слишкомъ тѣсно связаны съ бытомъ каждаго въ особенности, чтобъ могли вполнѣ быть постигнуты другимъ народомъ, а еще менѣе совершенно имъ присвоены и безъ противорѣчія соединены съ его шутками.—Но вотъ чего именно искалъ Гёте и чего достигнуть и его геній не былъ въ состояніи. — Вамъ скажу въ утѣшеніе, что по моему мнѣнію добраться до цѣли по дорогѣ, которую вы выбрали, не легко, однако-же по крайней мѣрѣ возможно.— Пареніе однообразнѣе; то, что называютъ высокимъ, у всѣхъ народовъ одно: а поэма ваша. . .

САБЛЕВЪ (*подходя къ нимъ*). Спасибо вамъ, Баронъ, что ободряете нашего молодаго Персіянина! Да и хорошо дѣлаете! прошу не нападать на него: у него ревностныя защитницы. Съ начала я и собрался было предложить ему нѣкоторые скромные вопросы и сомнѣнія; но ваша супруга, княжна, мои племянницы грозятъ отплатить мнѣ грѣшному за всѣ прежніе, не только мои, — но и свои, и графинины и Радомскаго и Холмова. . .

ЧИНАРСКІЙ. Повѣрьте, полковникъ, съ благодарностью приму всякое замѣчаніе! . .

САБЛЕВЪ. Это, братецъ, всегда говорится; но повѣрь я тебѣ, замѣть я въ самомъ дѣлѣ что нибудь, — — знаю вашу отповѣдь: «во всемъ

другомъ охотно съ вами соглашусь, но въ этомъ ужь позвольте съ вами поспорить — и прочее.» Однако-жь скажи: истинный мусульманинъ, истинный правовѣрный чтитель Магомета, говоря о немъ, неужто бы сказалъ: «Пророкъ, противникъ влаги лозной?» —

Чинарскій хотѣлъ что-то отвѣчать, но дамы его позвали; онъ сѣлъ, допилъ чашку — и сталъ читать:

ЧАСТЬ II.

Такъ говорилъ въ кругу друзей
Разскащикъ, старецъ бѣловласый;
Но серпъ чудесный, жнущій класы
Тѣхъ горнихъ, тѣхъ нѣмыхъ полей,
Въ которыхъ не бывалъ изъ вѣка
Внимаемъ голосъ человѣка,
Ладья надоблачныхъ зыбей,
Орелъ эфира среброкрылый,
Могущій вождь небесной силы
Пастухъ безсмертный стадъ ночныхъ,
Луна, царица звѣздъ златыхъ —
Блеснула сквозь покровъ тумана
И въ сладостный волшебный свѣтъ
Одѣла темный минаретъ,
Нашъ станъ, Табризъ, поля Ирана
И дальнихъ, снѣжныхъ горъ хребетъ;

И старецъ къ ней, къ лампадѣ ночи,
Безмолвствуя подъемлетъ очи.
Но вотъ онъ вновь возвысилъ гласъ
И продолжаетъ свой разсказъ:
Великолѣпенъ, свѣтелъ, страшенъ,
Тіярой блещущей украшенъ,
Подобье, образъ и посолъ
Могущества и славы Бога,
Среди совѣтнаго чертога
Восходитъ Дара на престолъ;
Возсѣлъ — и радостный глаголъ
Мѣдяныхъ трубъ устами грома
Колеблетъ сводъ царева дома;
И пали на помостъ челомъ
Князья войны, князья совѣта,
Сатрапы, слуги царства свѣта;
Но царь повелъ златымъ жезломъ —
И гласъ торжественнаго шума
И трескъ стенящихъ трубъ утихъ;
«Возстаньте!» молвилъ сонму ихъ
И свѣтлая возстала дума:
Такъ вѣтеръ, сынъ Кавказскихъ горъ,
Преклонитъ въ тучномъ полѣ класы;
Но вѣтра миновалъ напоръ, —
Подъемлютъ верхъ свой златовласый.

Вѣщаетъ Царь своимъ рабамъ:
«Слуга Господень, Ангелъ Мрака
Далъ сладкій сонъ моимъ очамъ, —

Глухой, глубокій, безъ призрака,
Безъ дикой, суетной мечты,
Изчадья царства темноты;
И сномъ тѣмъ дивно укрѣпленной,
Душою мощенъ, смѣлъ и бодръ,
Я на зарѣ покинулъ одръ
И, пламень воспаливъ священной,
Почтилъ Создателя вселенной:
Но данный матерью моей,
Съ пеленъ служащій мнѣ служитель,
Мужъ, ложа моего хранитель,
Обрѣлъ въ покровахъ свитокъ сей.
И нынѣ, други, мнѣ внемлите:
Снимите съ хартіи печать,
Прочтите вслухъ при всемъ синклитѣ;
А кто писалъ, тому дадите,
Что повелѣлъ ему воздать
Нашъ Богомъ посланный Учитель. . .
(Благословенъ во всѣхъ вѣкахъ
Да будетъ праведный твой прахъ
Зердужтъ, Ирана просвѣтитель!)»

И рекъ совѣтнику: «возьми!» —
Совѣтникъ-же изъ тѣхъ семи,
Что день и ночь лицу владыки
Безъ усыпленья предстоятъ,
И зрятъ князей и ихъ языки,
И растворяютъ крылья вратъ,
Изъ коихъ Истина Царева

Течетъ, божественная дѣва,
Землѣ износитъ чашу гнѣва;
Или-же благости сосудъ,
И возглашаетъ правый судъ.
Имъ имя: царской власти уши
И очеса Царя Царей;
Орлиныхъ взоровъ сихъ судей
Въ дубровахъ и въ пустыняхъ суши
И на скалахъ среди зыбей
Дальнѣйшихъ яростныхъ морей
Виновныя трепещутъ души.
Сей сонмъ подобенъ семерымъ
Первѣйшимъ изъ небесной рати
Затмившимъ блескъ безсмертныхъ братій
Сіяньемъ чуднымъ и святымъ,
Звѣздамъ незаходимой славы,
Одѣтымъ въ пламень, мощь и страхъ,
Столпамъ Ормуздовой державы,
Участникамъ въ его дѣлахъ.
Но трижды поклонясь во прахъ
Святаго, дивнаго подножья
Царя Царей, подобья Божья,
Свѣтлѣйшій князь въ земныхъ князьяхъ,
Ему же мудрость одѣянье, —
Щедрота — поясъ, честь — кидаръ,
А въ длани жезлъ суда и каръ,
Пріялъ изъ рукъ царя писанье,
И се—съ писанья снялъ печать, —

Объяло думу ожиданье, —
И мужъ совѣта сталъ вѣщать:

« Трояко знаковъ начертанье,
Трояка сила смысла ихъ;
Такъ возвѣщаетъ первый стихъ:
«Вино всего сильнѣе въ мірѣ.»
— Сильнѣе царь, — гласитъ второй;
Писецъ же третій на папирѣ *
Искусной написалъ рукой:
«Обоихъ ихъ сильнѣе жены;
Но истины глаголъ священный
Все побѣждаетъ подъ луной.» —

И Дара вновь пріемлетъ слово:
«Различенъ смыслъ и вѣсъ стиховъ;
Да узрю хитрыхъ ихъ писцовъ,
Да будетъ сердце ихъ готово
Писаніе десницы ихъ
При мнѣ и всемъ моемъ синклитѣ
Въ разумной отстоять защитѣ
Противъ спорниковъ своихъ!»

Изъ стражи царской въ оно время,
Являя въ пламенныхъ очахъ
И дерзновеніе и страхъ
(Тягчитъ ихъ думъ противныхъ бремя),

* Папиръ Персы получали изъ Египта.

Три стража юные исшли —
И поклонились до земли.

«Тотъ въ битвѣ сей увѣнчанъ будетъ,
Побѣду стяжетъ тотъ изъ васъ,
Кому ее правдивый гласъ
Трехъ избранныхъ вельможъ присудитъ;»
Такъ молвилъ отрокамъ своимъ
Отецъ ихъ, щитъ и покровитель,
Благой, любившій ихъ властитель, —
И трехъ судей назначилъ имъ.

«Вино всего сильнѣе въ мірѣ?»
Онъ вопрошаетъ наконецъ:
«Вино любви, войнѣ и лирѣ
Владычицѣ земныхъ сердецъ
Ты предпочелъ, младой мудрецъ?
И что же? Грекъ! питомецъ края,
Гдѣ ангелъ пѣсней, Исфраилъ,
Покинувъ ликъ и пляски рая,
Гомера перси оживилъ!
Умолкну. — Ты же безъ боязни
Отважно защищай, что рекъ;
Мы слухомъ благостной пріязни,
Но, — вѣдай, юный человѣкъ, —
И слухомъ безпристрастья будемъ
Внимать — и рѣчь твою разсудимъ.»

И разъ еще царя почтивъ,
Младой боецъ, рожденный Смирной,

Гдѣ даже пахарь взятый съ нивъ
Съ юнѣйшихъ дней краснорѣчивъ,
Отверзъ уста для битвы мирной:
«Война-ли» молвилъ «не страшна?
Не бичь-ли и не ужасъ міра?
И, непостижныхъ тайнъ полна,
Святая не сильна-ли лира?
Но ихъ сильнѣе власть вина.
Не много душъ избранныхъ Богомъ,
Немногихъ только въ сонмѣ многомъ
Сразитъ и сладостный перунъ
Катящійся съ священныхъ струнъ.
Весь ядъ въ свирѣпомъ зракѣ боя,
Колеблетъ землю гулъ побѣдъ;
И что-же? минулъ срокъ героя:
Онъ палъ, — исчезъ и самый слѣдъ!
Но кто-жь цѣльбой сердечной жажды,
Виномъ, гонителемъ скорбей,
Кто жизни горестной своей
Не услаждалъ хотя однажды?
И кто-жь, — вѣщайте, — кто изъ васъ
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ фіяломъ въ длани,
Подъ громъ веселья въ свѣтлый часъ
Не испыталъ тѣхъ волхвованій,
Неодолимыхъ, чудныхъ чаръ,
Которыхъ полнъ эѳирный паръ,
Съ широкой, напѣненной чаши
Вливающійся въ души наши?
Мы узники тяжелыхъ узъ,

Когда гортани наши сухи:
Но кубка и свободы Духи
Безсмертный празднуютъ союзъ;
А смѣхъ и Духи пѣснопѣнья
Пируютъ съ Духомъ упоенья.
Вино всесильно, какъ судьба:
Сравнивъ владыку и раба,
Срываетъ цѣпи съ заключенныхъ,
Врачуетъ боль больныхъ сердецъ,
Восторгъ вливаетъ въ огорченныхъ,
Даруетъ нищему вѣнецъ.
Въ винѣ любовь, въ винѣ отвага:
Друзей и братій изъ враговъ
Изъ агнцевъ-же безстрашныхъ львовъ
Творитъ божественная влага.
Кто пьетъ, тому что̀ до князей?
Что̀ до вельможъ и сильныхъ міра?
Ихъ поминать ему не смѣй:
На немъ и на самомъ порфира;
Кто пьетъ, тому что до князей?
Что̀ до вельможъ и сильныхъ міра?
Ихъ поминать ему не смѣй:
На немъ и на самомъ порфира;
Всѣ земли подъ рукой своей,
Онъ держитъ, щедрый и блаженной,
И всѣ сокровища вселенной.
Когда-жь возстанетъ отъ вина, —
Все, какъ обманъ пустаго сна,
Исчезло: прежній, бѣдный нищій,

Онъ прежнюю влачитъ судьбу,
Идетъ безъ крова и безъ пищи,
Идетъ — и рабствуетъ рабу. —
Такъ, други! не на днѣ ли чаши
Богатство, счастіе и честь?
Но тутъ же дремлютъ гнѣвъ и месть,
Проснутся-ли? — и руки наши
Къ кровавымъ устремятъ мечамъ:
Мы, преданы слѣпымъ мечтамъ,
И въ братѣ видимъ сопостата —
И, злымъ подобяся духамъ,
Какъ звѣри, разтерзаемъ брата. —
Очнемся, — все, какъ дымъ, прошло,
Все плаваетъ въ туманѣ мрака;
Нашъ гнѣвъ потухъ, пропало зло,
Въ душѣ слѣда нѣтъ, нѣтъ и знака;
Разорвана видѣній нить:
Мы образъ блѣднаго призрака
Уже не въ силахъ воскресить.
Когда-жь неистовое дѣло
Намъ возвѣстятъ уста другихъ,
Тогда, дрожа отъ слова ихъ,
Мы осязаемъ руки, тѣло,
Мы вопрошаемъ: «мы-ли мы?»
У безотрадной, грозной тьмы,
Устѣнъ, въ которыхъ близость плахи
Пророчатъ ночь, оковы, страхи. —
Ужасна грозная война,
Не слабый духъ витаетъ въ лирѣ,

Но нѣтъ, всего сильнѣе въ мірѣ,
Все побѣждаетъ власть вина.» —

И кончилъ Эллинъ. Парсъ угрюмый
Предсталъ предъ судъ правдивой думы,
Почтилъ Царя Царей и рекъ:
— «Землею правитъ человѣкъ;
И море, чудъ и рыбъ обитель,
Ему-жь: рекло: «ты мой властитель!»
И вся предъ нимъ трепещетъ тварь.
Но надъ людьми поставленъ Царь. —
И всѣ безъ спора, безъ медленья
Свершаютъ устъ его велѣнья.
На сонмы яростныхъ враговъ
Пошлетъ-ли ихъ, своихъ рабовъ?
Пусть гибель видятъ предъ очами,
— Но идутъ шумными толпами,
Ихъ не страшитъ ни смерть ни адъ;
Бросаютъ огнь въ дрожащій градъ,
Свергаютъ въ прахъ боговъ святыни,
Стираютъ скалы и твердыни, —
И превращаютъ рай отрадъ
Въ прибѣжище звѣрей пустыни.
И се — усердные рабы
Летятъ съ полей свирѣпой брани
И предъ владычныя стопы
— Кладутъ сокровища и дани.
А тамъ въ отчизнѣ братья ихъ
Въ кровавомъ потѣ лицъ своихъ

Земное лоно раломъ роютъ,
Сады сажаютъ, домы строютъ,
Сбираютъ сочный виноградъ,
Въ сосуды льютъ златыя вина;
Но прежде женъ своихъ и чадъ
По жатвѣ вспомнятъ властелина.
Съ стяжанья тягостныхъ трудовъ,
Съ благихъ даровъ щедроты неба,
Съ ловитвы, стадъ, вина и хлѣба,
Съ начатковъ всѣхъ земныхъ плодовъ
Царю приносятъ приношенья;
Къ приносамъ нудятъ сами всѣхъ,
И не принесть татьба и грѣхъ,
И не потерпятъ утаенья.
Тьма темъ ихъ; онъ же — онъ одинъ:
Но тѣ рабы, — онъ властелинъ.
Речетъ: «убейте!» убиваютъ;
Речетъ: «щадите!» и щадятъ;
Речетъ: «разрушьте!» — разрушаютъ;
«Создайте!» — зиждутъ и творятъ.
Въ очахъ его и жизнь и плаха,
Въ устахъ его и срамъ и честь,
Въ улыбкѣ свѣтъ, смиритель страха;
А бровь насупитъ? — грянетъ месть
И душъ своихъ слѣпую лесть
Оплачутъ падшіе языки.
Всесиленъ свѣтлый взоръ владыки:
Онъ видитъ подъ рукой своей
Всѣ мысли, всѣ сердца людей;

Сатраповъ сонмомъ окруженный,
Какъ ясный мѣсяцъ сонмомъ звѣздъ,
Онъ взоръ лишь шлетъ въ концы вселенной,
А самъ почіетъ, пьетъ и ѣстъ
И мышцы не трудитъ священной.
Тѣ-жь не дерзнутъ въ свои пути,
Душевнымъ слѣдуя желаньямъ,
Къ дѣламъ своимъ и начинаньямъ
Отъ властелина отойдти.
Благихъ отрада, злыхъ гонитель,
Всемощенъ смертныхъ повелитель
И на землѣ нѣтъ ничего,
Подъ небомъ нѣтъ сильнѣй его!»

Умолкъ — и младшему клеврету,
Преклоншись мѣсто уступилъ
И юноша предсталъ совѣту
Синклиту царскихъ думъ и силъ,
Почтилъ царя и возгласилъ:
»Въ началѣ міра, въ утро вѣка,
Когда творить престалъ Творецъ,
Онъ взялъ сіяющій вѣнецъ
И возложилъ на человѣка,
И птицъ и рыбъ всѣхъ и звѣрей
Десницѣ покорилъ людей;
Великъ-же тотъ, кто ихъ властитель,
Властителей вселенной всей;
И паче всѣхъ земныхъ сластей
Вино могущій обольститель......

Но кто-жь быстрѣе и вина
И съ властью, большей царской власти
Въ васъ воспаляетъ пламя страсти?
Ужель не та, что создана
На радость намъ и на страданье,
Господне лучшее созданье,
Ужель, — скажите — не жена?
Скажите, не жена ль-ль родила,
Какъ ранняя родитъ заря,
Лучи полдневнаго свѣтила
Всѣхъ васъ и самаго царя?
Пусть мужи смѣлою рукою
Смиряютъ земли и моря,
Но каждый-же рожденъ женою:
И не женою ли вскормленъ
И добыватель лозной влаги
И ратоборецъ, сынъ отваги,
И вождь воинственныхъ знаменъ?
Не ею-ль ловчій, страхъ дубравы
И мужъ совѣта величавый,
Судья безтрепетный душой
И пѣснопѣвецъ, жадный славы,
Искатель звучной славы той,
Которую сбираетъ съ міра
Сердецъ плѣнительница лира?
Почто изъ камня ты и нѣмъ?
Почто твои безмолвны стѣны?
Но все-жь повѣдай мнѣ, Харемъ,
Что въ тѣхъ стѣнахъ свершаютъ жены?

Тамъ вертено прядетъ волну;
Игла плѣняющіе взоры
Выводитъ по ковру узоры;
А челнъ несется по стану
Туда, сюда, живой и шумной
И мудро начатую ткань
Кончаетъ знающая длань; —
Въ то-жь время рѣчію разумной
Ихъ изобилуютъ уста:
Вѣнчаетъ силу красота
И слышитъ злоба посрамленье
И судъ пріемлетъ суета.....
Не женъ-ли пѣснь и прославленье
Всѣхъ смѣлыхъ подвиговъ мѣта?
Онѣ, сражая спѣсь и гордость,
Смѣясь злодѣямъ и глупцамъ,
За мощь и доблесть, честь и твердость,
Даютъ безсмертье именамъ;
Онѣ молвѣ, своей рабынѣ,
Вѣщаютъ: «мѣсто симъ мужамъ
Ты укажи въ своей святынѣ;
О нихъ повѣдай всѣмъ ушамъ,
И здѣсь прославь ихъ и въ чужбинѣ!»
Что мужи на землѣ безъ женъ?
Весь міръ, ихъ взоромъ побѣжденный,
Не рекъ-ли: «сладокъ женскій плѣнъ?»
И воли пожелалъ сей плѣнный?
Что сумракъ пасмурныхъ ночей
Предъ пламенемъ лучей разсвѣтныхъ,

То предъ сіяньемъ ихъ очей
Сіянье камней самоцвѣтныхъ.
Не предпочтетъ богатствъ несмѣтныхъ,
Ни царской власти высоты
Улыбкѣ юной красоты
Тотъ, кто волшебной, тайной силой
Въ златыхъ оковахъ дѣвы милой.
Мелькнетъ-ли межь домовъ градскихъ,
Какъ въ тихій вечеръ лебедь стройной
Мелькаетъ по рѣкѣ спокойной —
Избранница въ сестрахъ своихъ,
Одна изъ тѣхъ, которыхъ брови,
Уста, чело — престолъ любови,
Которыхъ кудри сѣть сердецъ,
Которыхъ сладкій гласъ пѣвецъ,
Создатель и смиритель муки,
За грудь-же рамена и руки
И царь бы отдалъ свой вѣнецъ —
Мелькнетъ? — и даже чернь тупая,
Трудящійся въ пыли народъ,
Уста нѣмыя отверзая,
Разступится, какъ волны водъ,
И взоръ подниметъ изумленной
На плавный, величавый ходъ
Мужей владычицы смиренной.
Такъ! первенство и силу женъ,
Владычество ихъ надъ мужами
Познаетъ всякій, вразумленъ
Былыхъ и нашихъ дней дѣлами.

Не покидаемъ-ли отцовъ
И матерей своихъ и братій,
Идемъ изъ вѣрныхъ ихъ объятій,
Бросаемъ свой домашній кровъ —
И прилѣпляемся любовью
Къ женѣ и племенемъ и кровью
И даже рѣчью намъ чужой?
Въ чужбинѣ-жь о странѣ родной
Уже не помнимъ и не тужимъ?
Жена-ли не владѣетъ мужемъ,
Когда труждаясь для нее,
Ей посвящаетъ всѣ заботы,
Мечты, страданія, работы,
Дыханье, мысли, бытіе?
Возсталъ — и для жены любезной
Беретъ оружіе свое
Исторгшій изъ груди желѣзной
И страхъ и жалость мужъ кровей,
Течетъ въ свой путь во тьмѣ ночей
Не дрогнувъ, жизнь людскую коситъ,
Какъ жнецъ прилежный — злакъ полей, —
И что-жь? добычу ей приноситъ! —
Не убоится человѣкъ
Ни льва, страшилища дубравы,
Ни змѣй, ни яростной отравы,
Ни бурь морскихъ, ни шумныхъ рѣкъ;
Но для жены, ее-жь возлюбитъ,
Дерзнетъ въ убійственную брань,
Желанную похититъ дань —

Или-же жизнь свою погубитъ.
И возмогу-ль исчислить всѣхъ,
Которые для женскихъ взоровъ
Тяжелый сотворили грѣхъ,
Забыли Бога средь утѣхъ,
Погибли жертвою раздоровъ,
Или-же ставъ въ позоръ и смѣхъ,
Рабы безумья и печали,
Мечемъ руки своей-же пали?
О, старцы! мнѣ откройте вы:
Кто болѣ властелина Дары?
Предъ нимъ дрожатъ мятежъ и свары
И, какъ предъ солнцемъ цвѣтъ травы,
Такъ вянетъ предъ царемъ гордыня:
Вѣнецъ его-ли не святыня?
Коснется-ли его главы,
Надъ всей землею вознесенной
Изъ смертныхъ самый дерзновенной?
Что-жь? одесную-же царя
Я зрѣлъ наложницу цареву,
Красу Харема, чудо-дѣву,
И гасла свѣтлая заря,
Предъ свѣтомъ сладостнаго зрака,
Прекрасной дочери Вартака;
Я зрѣлъ — но возвѣщу-ли вамъ,
Когда не вѣрилъ и очамъ? —
Я зрѣлъ: рукой неустрашимой
Она играла діадимой,
Снимала съ царскаго чела,

Свое чело вѣнчала ею
И лѣвой дланію своею —
(Какъ первый снѣгъ, та длань бѣла)
Владыку била по ланитѣ!
Вы, зрѣлой мудрости полны,
Мнѣ отроку вы возвѣстите
Что на землѣ сильнѣй жены?»

Такъ юноша, восторга полный,
Вѣщалъ о силѣ женъ и дѣвъ
И устъ его златыя волны
Вливались въ жадный слухъ царевъ;
Съ улыбкою едва примѣтной
Властитель взоръ мѣнялъ на взоръ
Сатраповъ храмины совѣтной,
И весь безмолствовалъ соборъ.

— ❃ —

ГРАФИНЯ. Другъ, Чинарскій, не знаю, право, благодарить-ли васъ отъ имени всѣхъ женщинъ за все, что заставляете говорить своего юношу о нашемъ могуществѣ, или пѣнять на васъ?

ЧИНАРСКІЙ. Не я, графиня, заставилъ его говоритъ то, что вы слышали: рѣчь его, какъ и всю повѣсть 3 и 4 взялъ я изъ главы второй книги Эздры. И такъ не заслуживаю ни благодарности, ни гнѣва вашего.

Кн. РАДОМСКІЙ. Точно такъ: помню этѣ двѣ главы, превосходныя по своей простотѣ, по своей

истинѣ. Но, если только не ошибаюсь, вы кое-гдѣ добавили и свое: а именно въ словѣ о женщинахъ.

ЧИНАРСКІЙ. Распространяться, объяснять мысли Еврейскаго писателя я мѣстами позволялъ себѣ; но нигдѣ, сколько помню, не отступалъ отъ нихъ.

САБЛЕВЪ. Однако же согласись, что на Востокѣ, гдѣ женщины заперты, гдѣ онѣ невольницы, едва-ли онѣ могутъ быть раздавательницами доброй и дурной славы. Иное дѣло, если бы тутъ толковали о *нашихъ* женщинахъ или о женщинахъ временъ рыцарскихъ; но Одалиски Азіятскихъ Харемовъ едва ли знаютъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, едва ли въ состояніи сказать: храбръ ли кто или трусъ, подлъ ли или благороденъ?

ЧИНАРСКІЙ. Замѣчу, полковникъ, что женщины въ Азіи вовсе не такія невольницы, какъ обыкновенно у насъ думаютъ. Кромѣ того и тутъ я основывался на словахъ же Эздры: «тыя» т. е. женщины — пишетъ онъ, «творятъ славу человѣкомъ.»

ХОЛМОВЪ. Да слава не значитъ ли здѣсь иное что? особенно непосредственно послѣ стиха: «творятъ ризы?» Слава на Славянскомъ не рѣдко то же что блескъ, великолѣпіе, праздничная одежда. — Еще скажи мнѣ: какъ рѣшился ты

вложить въ уста Дарія мысль, что ангелъ Исфраилъ оживилъ перси Гомера? Ужели Персъ, чтитель Единаго Бога, захотѣлъ бы такъ отозваться о Поэтѣ, рѣшительномъ многобожникѣ?

ЧИНАРСКІЙ. Твое возраженіе довольно справедливо... Но если ужь оправдываться, напомню тебѣ, что при халифѣ Гарунѣ Аль-Рашидѣ и его преемникахъ, Аравитяне, коихъ монотеизмъ еще былъ строже Персидскаго, читали и любили писателей Греческихъ, языческихъ. — Впрочемъ у меня сначала стоялъ—было Орѳей — вмѣсто Гомера.

ХОЛМОВЪ. И напрасно не удержалъ его: и Орфей проповѣдуетъ въ вѣру въ Единаго Бога; къ тому же самый слогъ его долженъ былъ нравиться Иранцамъ болѣе Гомерова, онъ ближе къ ихъ собственному слогу.

ОСВАЛЬДЪ. Сходство это объясняется тѣмъ, что гимны, которые приписываютъ Орфею, произведенія позднѣйшія и вѣроятно принадлежатъ какому нибудь стихотворцу Александрійской школы. Сверхъ того басни Грековъ объ Орѳеѣ, кажется, еще менѣе пришлись бы по вкусу Персовъ, чѣмъ Гомеровы вымыслы. — Наконецъ Орѳей былъ Фракіецъ: а у Чинарскаго Дарій говоритъ съ Іоняниномъ; и такъ естественно, что называетъ ему Гомера, который также былъ Іонянинъ. —

САБЛЕВЪ. Но . . . .

ГРАФИНЯ. Но отложите ваше возраженіе до другаго времени; позвольте намъ дослушать, чѣмъ поэма кончится.

Чинарскій продолжалъ:

ЧАСТЬ III.

Своимъ устамъ сѣдой вѣщатель
Въ то время краткій отдыхъ далъ;
Все было тихо, міръ молчалъ,
И лишь иной повѣствователь —
Потокъ, падущій съ дикихъ скалъ,
Высказывалъ безмолвной ночи
Тѣ тайны, коихъ смертныхъ очи
Еще не зрѣли, коихъ слухъ
Питомцевъ мудрости надменной
Не уловилъ изъ устъ вселенной.
Парилъ подъ небомъ темный духъ,
Призраковъ блѣдныхъ повелитель,
И мертвыхъ отпиралъ обитель
И отворялъ подземный домъ
Нѣмыхъ страшилищъ и видѣній.
Подъ сумрачнымъ его крыломъ
Сидѣли Персы, словно тѣни:
Лишь въ руки изъ ближайшихъ рукъ
Передаваемъ былъ чубукъ;

Надъ ними дымъ стоялъ, какъ знамя,
А изъ-подъ пепла трубокъ ихъ
Багровымъ блескомъ рдѣло пламя.
Все спало, вѣтеръ даже стихъ;
И только ихъ чуть слышный шопотъ
Вливался въ безпрерывный ропотъ,
Въ глухіе стоны водъ живыхъ;
И только отзывъ часовыхъ
Впервые въ семъ раю Ирана
Изъ Русскаго пронесся стана.
Но древній днями человѣкъ,
Витія старины священной
Перстами по брадѣ почтенной
Повелъ, подъялъ чело — и рекъ:

Среди богатствъ земныхъ несмѣтныхъ
Есть много жемчуговъ драгихъ,
Есть много камней самоцвѣтныхъ;
Но кто-же уподобитъ ихъ
Жемчужинѣ неоцѣненной,
Которой за града вселенной,
За царства міра не хотѣлъ
Отдать халифу царь Цейлона?
Дубравный-ли медвѣдь не смѣлъ?
Не смѣлъ-ли тигръ, виновникъ стона,
Смятенья, вопля пастуховъ?
Но страшенъ тигру голосъ львовъ;
Отъ взора льва медвѣдь косматый,
Незапнымъ ужасомъ объятый,

Спѣшитъ сокрыться въ глушь лѣсовъ.
Цвѣтовъ весеннихъ много, други;
Но что они? рабы и слуги
Царицы вешнихъ всѣхъ цвѣтовъ,
Улыбки радостнаго міра,
Роскошной розы Кашимира.
Не точно такъ-ли? слышишь рѣчь:
Громка, сдается, и усильна,
Какъ шумный водопадъ, обильна,
Разитъ и рѣжетъ, словно мечъ;
Но если высшихъ вдохновеній
Чудесный, животворный геній
Издастъ могущій свой глаголъ
И, вихремъ яростнымъ гонимый,
Какъ океанъ необозримый
Покроетъ высоту и долъ, —
Тогда отъ слова, коимъ прежде
Плѣнясь, услаждали духъ
Усталый отвращаемъ слухъ!
Подобно въ сребряной одеждѣ
Сіяетъ ночію луна;
Но міръ златое дня свѣтило
Слѣпящимъ блескомъ озарило;
Лишается красы она
И носится въ поляхъ лазури,
Какъ туча, легкій мячикъ бури
И, какъ безцвѣтный дымъ, блѣдна. —
Услышалъ слово силы Дара,
Глаголъ могущій, гласъ святой:

Всѣ прежнія предъ рѣчью той,
Какъ облака сѣдаго пара
Предъ яркимъ пламенемъ пожара.
— О, братья! древенъ я и слабъ
И вижу предъ собой могилу:
Кто дастъ мнѣ тотъ огонь, ту силу,
Съ какою юный, мудрый рабъ
Царя, свѣтильника вселенной,
Вѣщалъ объ истинѣ священной?
Тяжелъ, опасенъ подвигъ мой:
Дерзну же, тѣмъ лишь ободренной,
Что дорогъ для жены младой,
Съ младымъ супругомъ разлученной,
— И вѣстникъ изъ страны чужой,
Любезнымъ ликомъ озаренной.
Да будетъ такъ и рѣчь моя,
Отзывъ безсильный рѣчи дивной,
Друзьямъ и братьямъ не противной:
Но вы-жь мнѣ братья и друзья.....

Сатрапы отроку внимали,
Предъ ними отрокъ возгласилъ:
«Не власть-ли женъ я вамъ явилъ?
Царицъ веселья и печали,
— Ихъ, ясныхъ въ нашей тьмѣ свѣтилъ,
Ихъ власть уста мои вѣщали:
Но не широкъ ли и великъ
Земнаго круга чудный ликъ?
Отважный сынъ сѣдаго Тира,

Могущій, дерзностный пловецъ,
Не вѣдаетъ предѣловъ міра,
Не знаетъ, гдѣ землѣ конецъ.
А небо, други, сколь высоко!
Чье возмогло исчерпать око,
Сей кладязь тьмы и глубины?
Сей океанъ лучей и свѣта?
Лампады-жь онаго намета
Ужели были сочтены?
Златой-же Царь полей воздушныхъ
Женихъ природы, рдяный челнъ,
Плывущій средь безбрежныхъ волнъ,
Средь тучь огня, ему послушныхъ....
Въ неизмѣримое течетъ,
Путямъ его нѣтъ исчисленья;
Но быстрый, суточный полетъ
Его туда-же принесетъ,
Гдѣ былъ востокъ его теченья!
Велики Божія дѣла,
Велики рукъ Его созданья:
Но Истина ихъ превзошла
И вѣченъ блескъ ея сіянья.
Изъ-подъ ярма неправдъ и золъ,
Земля въ цѣпяхъ, во тьмѣ обмановъ,
Зоветъ, подъемлетъ къ ней глаголъ:
И, — будто солнце изъ тумановъ,
Такъ Истина пошлетъ свой лучъ
И отъ ея златаго зрака,
Какъ паръ сѣдыхъ, ничтожныхъ тучь,

Такъ въ мигъ растаетъ царство мрака.
Поютъ и славятъ небеса
И ей гласятъ: «сіяй, святая!»
Предъ ней душа трепещетъ злая
И вянетъ ложная краса;
Ея же свѣтъ непобѣдимый
Для лжи не смерти ли коса?
Суды ея непостижимы
И въ нихъ Господни чудеса:
Ихъ слышитъ праведникъ гонимый
И на стезѣ своей прямой
Крѣпится радостной душой.
Обидѣть можетъ все земное:
Вино и Властель и жена;
Лукавыхъ дѣлъ земля полна;
Людское племя — племя злое,
Пусть дѣло сотворитъ благое
Однажды въ жизни человѣкъ:
Но онъ все персти сынъ ничтожный;
Не смертнымъ устоять вовѣкъ
Предъ взоромъ правды непреложной.
Стремишься къ грозной высотѣ,
Достигнуть мнишь небесъ святыни;
Но недостижна для гордыни —
И тщетной жертвуешь мечтѣ.
Игра скорбей и сновъ и счастья,
Въ густой, суровой мглѣ ненастья
Ты ждешь: не разсвѣтетъ ли твердь?
Ты ждешь — и что-жь? какъ тать, приходитъ

Нежданная, глухая смерть
И въ темный гробъ тебя уводитъ:
Но вѣчна истина и власть
И свѣтъ ея живутъ вовѣки:
Не гасятъ ихъ ни рокъ, ни страсть,
Ни духи тьмы, ни человѣки.
И царь и рабъ равны предъ ней;
Всегда ея отверсты очи;
Враговъ не знаетъ, ни друзей,
Не вѣдаетъ ни сна, ни ночи.
Но твердъ ея надежный щитъ,
Но всѣ ея обѣты вѣрны,
Но всякой лжи, но всякой скверны,
Обмана всякаго бѣжитъ.
Даны ей мощь и страхъ и царство;
Предъ нею млѣетъ и дрожитъ
И гибнетъ всякое коварство.»

И отрокъ, свыше вдохновенъ,
Какъ молніей, сверкая взоромъ:
«Богъ истины благословенъ!»
Воскликнулъ громко предъ соборомъ.
«Во всѣхъ вѣкахъ, отъ всѣхъ племенъ!»
Воскликнулъ Дара, царь Ирана,
И мужи думы, мужи стана
Воскликнули: «благословенъ!»

«Ты взялъ вѣнецъ» гласитъ Властитель,
Дерзай-же нынѣ, побѣдитель, —

Проси: я дать тебѣ готовъ
(Клянусь священнымъ окомъ свѣта!)
Не въ силу нашего обѣта,
Но болѣ, высше нашихъ словъ.
Да наречешься другомъ Дары
И сродникомъ Царя Царей....
Такъ, ради мудрости своей
Ты сядешь близъ меня и свары,
Раздоры и вражду людей
Разсудишь, Судія Судей!»—

Но юноша простеръ вѣщанья:
«Да буду я безъ языка
И въ Божій день безъ оправданья,
Да снидетъ въ мракъ душа моя
Въ обитель вѣчной укоризны,
Когда не воззову къ тебѣ,
А позабуду о судьбѣ
Моей рыдающей отчизны!
О Дара! помяни, что рекъ
Въ тотъ часъ, въ который ты облекъ
Впервые плечи въ багряницу;
Въ тотъ часъ ты къ Господу десницу
Воздвигъ и обѣщалъ: «внемли:
Верховный Царь Царей земли!
Внемли мнѣ, Давшій діадиму
И жезлъ державства симъ рукамъ!
Опустошенному Салиму *)

*) Салимъ — Іерусалимъ.

Я вновь и жизнь и силу дамъ;
Явлюся благъ его сынамъ,
А разоренный Вавилономъ
Вновь надъ святой горой Сіономъ
Восцарствуетъ Твой свѣтлый храмъ.»
Да сотворишь по симъ словамъ!
Вотъ то величье, вотъ та слава,
О коихъ я молю царя......
Твоя-жь священная держава
Создавшимъ земли и моря
И власть и мудрость человѣка
Да сохранится въ вѣкъ изъ вѣка.»

И какъ среди безмолвныхъ скалъ
Утесъ надъ всѣми возвышенный,
Такъ царь, движенія лишенный,
Среди вельможъ своихъ молчалъ;
И безъ отвѣта, безъ глагола
Съ златаго поднялся престола —
И юношу облобызалъ.

И се — властитель шлетъ посланье
Ко всѣмъ намѣстникамъ своимъ:
«Евреевъ кончилось изгнанье;
И всѣхъ идущихъ въ Градъ Салимъ
Вы провожайте и храните
И хлѣбы въ путь давайте имъ:
Въ моей, въ царевой всѣ защитѣ.
А вы, рабы мои, внемлите,

Вы, всѣ, Сирійскіе цари,
И князи Тира и Сидона, —
Обидъ никто имъ не твори!
Да рубятъ кедры съ Ливанона
И Господу созиждутъ храмъ
И по словамъ живутъ закона,
Который данъ былъ ихъ отцамъ.» —
Сосуды-жь — мѣдь, сребро и злато,
Святые, взятые когда-то
Алчбою буйственной войны,
Всѣ вновь изъ дома Валтасара
Въ Давидовъ домъ возвращены.
Еще-же тѣмъ не кончилъ Дара,
Но стражу рекъ своей казны,
Сбирателю народной дани:
«Да не затворишь нынѣ длани!
Съ избытковъ и богатствъ моихъ,
На построенье храма ихъ,
Пока не узритъ совершенья,
Ты двадесять талантовъ въ годъ
Имъ отпускай изъ рода въ родъ.
Назначу я и приношенья,
Почту дарами оный храмъ:
И воскурится ѳиміямъ
И будутъ въ немъ за насъ моленья.» —

И се — какъ пчелъ жужжащій рой,
Какъ вихровымъ крыломъ гонимый
Прахъ по степи необозримой,

Летящій къ небу предъ грозой,
Какъ пруги изъ страны полдневной,
Мрачащія лазурный сводъ,
Которыхъ зря, дрожитъ народъ
И вопль подъемлетъ къ тверди гнѣвной;
Такъ въ путь Евреи потекли
Къ холмамъ, къ долинамъ той земли,
По коей сирой и плѣненной
Вдовицѣ, чадъ своихъ лишенной,
Подъ стоны струнъ, въ святыхъ псалмахъ
При шумныхъ плакали рѣкахъ,
Рѣкахъ чужбины отдаленной.

Тогда и юношу не могъ
Владычный удержать чертогъ:
Онъ стрясъ съ себя златыя узы,
Какъ узы рабства, бодръ и смѣлъ,
Покинулъ блескъ и роскошь Сузы
И въ даль, въ отчизну полетѣлъ.

Какъ при златой улыбкѣ здравья —
Встаешь съ недужнаго возглавья,
На сладостный взираешь свѣтъ,
Пируешь жадными очами,
Лѣсамъ, горамъ несешь привѣтъ
И хочешь міръ обнять руками,
Такъ онъ, когда исшелъ изъ вратъ
Парилъ душою надъ звѣздами
Безбрежной радостью объятъ.

Но сталъ — и взоръ туда бросая,
Куда стремился, на закатъ,
(Тамъ прадѣдовъ земля святая
Тамъ прахъ и кости ихъ лежатъ!)
Подъялъ трепещущія длани
И гласъ возвысилъ къ небесамъ,
Какъ сладкій паръ благоуханій
Несущійся въ предвѣчный храмъ:

«Все даръ Твой, Господи, мой Боже!
Твое и отъ Тебя! — И что-же
Когда творилось безъ Тебя?
Что безъ Твоей живящей силы?
Я тлѣнъ и персть и снѣдь могилы;
Но я Тебѣ вручилъ себя; —
И Ты мнѣ мудрость далъ; Тобою
Я взялъ вѣнецъ и торжество!
И нынѣ пѣснію святою
Прославлю Бога моего:
Благословенъ мой Богъ вовѣки
И да познаютъ человѣки
Величье царства Твоего!
Господь мой Богъ — я рабъ Его;
Склоню, восторгомъ упоенный,
Во прахъ смиренную главу,
И гласомъ сердца воззову:
«Благословенъ Неизрѣченный!»

❋ ❋
❋

Такъ нѣкогда велѣньемъ Дары
Возсталъ изъ пепла падшій храмъ;
Но храмъ сей лѣтъ позднѣйшихъ кары
Вновь грознымъ предали рукамъ:
И руки тѣ за злодѣянья,
За грѣхъ Іаковлихъ сыновъ
Огнемъ сожгли священный кровъ
И разметали основанье.
А злополучный оный родъ,
Отверженное Богомъ племя,
Какъ плевы, разнеслось въ то время
На сѣверъ, югъ, закатъ, восходъ,
По всѣмъ вѣтрамъ, во всѣ языки;
И тяжко бремя ихъ судьбы:
Всѣхъ странъ народы ихъ владыки,
Они-же всюду, всѣмъ рабы.

Что очи старца почерпнули
Изъ красныхъ, хитростныхъ письменъ
Далекихъ, западныхъ племенъ
Тому вы вняли .... Отдохну-ли?
Но имя юноши того,
Который взоръ царя Персиды
Склонилъ во благость на обиды,
На скорбь народа своего?
Онъ — Зоровавель: други, знайте,
Такъ звался свѣтлый отрокъ сей
И отъ колѣна былъ Царей, *)

*) Зоровавель былъ отъ племени Давида, сынъ Салаѳіиля сына Іоханіи, предпослѣдняго царя Іудейскаго.

Отъ крови былъ, — не забывайте!
Которой самъ Господь вручилъ
Державный жезлъ Еврейскихъ силъ,
Отъ той священной царской крови,
Ее-жь Всевышній полнъ любови,
Въ Давидѣ кроткомъ тьмой чудесъ
Прославилъ подъ шатромъ небесъ,
Прославилъ въ мощи Солимана,
— Мудрѣйшаго изъ чадъ земли,
Кому и геніи рекли:
«Тебѣ послужимъ безъ обмана;
Безъ ослушанія и лжи;
Чего желаешь? прикажи! —
И, сколь вселенна ни пространна,
Речешь — и въ мигъ нашъ сонмъ достигъ
Конца — и возвратился въ мигъ.» —
Такъ помните-жь, сыны Ирана,
И да увѣдаютъ отъ васъ,
— Когда низиду въ гробъ, потомки,
Что предалъ вамъ мой слабый гласъ,
Мой гласъ смиренный и негромкій!» —

* *

*

И кончилъ. — Засверкалъ тотъ свѣтъ,
Тотъ блескъ обманчивый, который,
Какъ ясный, ласковый привѣтъ,
Въ странахъ полудня манитъ взоры

И солнце имъ сулитъ, — а вдругъ,
Скрываясь какъ невѣрный другъ,
Въ холодной покидаетъ ночи
Прельщенныя призракомъ очи.
Возсталъ, потекъ и въ тьмѣ глухой
Исчезъ разскащикъ, мужъ сѣдой,
Который, лѣтопись живая,
Столь много лѣтъ и зимъ шагая
Со временемъ рука съ рукой,
Сталъ другомъ старины святой.
За нимъ и вся толпа нѣмая
Подъялася съ сырой земли,
Пошла и скрылася въ дали.
Но нѣкій воинъ недвижимый
Смотрѣлъ за ними долго въ слѣдъ;
Онъ долго, юный сынъ побѣдъ
Душою думами боримый
Парилъ по древней *ихъ* странѣ,
Гдѣ міръ такъ измѣнился мало,
Гдѣ тѣ-же нравы, тотъ же вѣкъ
И тотъ же, мнится, человѣкъ
И все понынѣ, какъ бывало.

Еще лежалъ въ поляхъ туманъ,
Но ужь зари неложной пламя
Развилось въ небѣ словно знамя —
И пробуждался Русскій станъ.

— ❋ —

Кончилъ и Чинарскій; послѣдовало молчаніе. Наконецъ Кн. Радомскій сказалъ: «судить о сочиненіи тотчасъ послѣ перваго чтенія почти не возможно; съ нимъ надобно сперва ознакомиться, освоиться, разсматривать его не въ одномъ расположеніи духа.... И такъ скажу вамъ только, что мнѣ понравилась ваша попытка возобновлять и приспособлять къ нынѣшнему слогу чистыя Славянскія рѣченія и обороты.» —

ЧИНАРСКІЙ. Благодарю васъ, князь; но боюсь и за себя и за васъ, сомнѣваюсь, чтобъ въ Петербургѣ или Москвѣ нашли мы многихъ, которые были бы съ нами въ этомъ согласны. Если подумать, какъ напримѣръ, забытъ и заброшенъ Шихматовъ, поэтъ такихъ дарованій, какихъ у насъ, право мало; если подумать, что его не читаютъ именно потому-же....

Кн. РАДОМСКІЙ. По крайней мѣрѣ нынѣ ужь и не слыхать глупыхъ насмѣшекъ, которыми, бывало, осыпали имя его. Съ дня на день, кажется, слабѣетъ школа, хлопотавшая о томъ, чтобъ изъ нашего могущественнаго языка извлечь небольшой, чепорный Словарёкъ для избранныхъ: Пушкинъ, лучшій нашъ поэтъ, рѣшительно отъ нее отсталъ въ Полтавѣ, а какъ я слыхалъ отъ читавшихъ Бориса Годунова въ рукописи, въ этомъ послѣднемъ

своемъ творенiи рѣшительно присталъ къ сторонѣ ея противниковъ.

ГРАФИНЯ. Всего болѣе въ вашей поэмѣ я полюбила старика-разскащика. — Встрѣчаются-ли въ Азiи похожiе на него и въ самомъ дѣлѣ?

ЧИНАРСКIЙ. На востокѣ сказочники то-же, что у Итальянцевъ Импровизаторы, а у древнихъ Грековъ Рапсоды; у нихъ иногда довольно обширныя свѣденiя: мнѣ самому случилось разъ въ Ганжѣ слышать старика Татарина, который въ кругу земляковъ разсказывалъ похожденiя Рустма, сына Зала, со всѣми подробностями, съ какими Ша-Наме повѣствуетъ о нихъ.

ОСВАЛЬДЪ. Послѣднiе стихи, въ которыхъ вы говорите о *своемъ* разскащикѣ, напомнили мнѣ Шекспира, а именно то мѣсто въ Троилѣ и Крессидѣ, гдѣ Гекторъ, въ гостяхъ у Грековъ, привѣтствуютъ Нестора.

ЧИНАРСКIЙ. Let me embrace the, good olde chronicle,
That hast so long walk'd hand in hand with time! *)

---

*) Дай мнѣ себя обнять, добрая, старая лѣтопись, ты, что такъ давно ходишь рука объ руку съ временемъ.

Вы слишкомъ снисходительны, Баронъ, что не хотите меня прямо обличить въ похищеніи; но считаю долгомъ....

ГРАФИНЯ. А я считаю долгомъ пригласить васъ въ столовую: мы люди деревенскіе, и, кажется, ужинаемъ, вопреки тому, что въ Москвѣ не мода ужинать. —

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
We're Quality Bound